

Александр Максимов

Парижская тетрадь русского эмигранта

Александр Максимов

**Парижская тетрадь
русского эмигранта**

«Автор»

2026

Максимов А.

Парижская тетрадь русского эмигранта / А. Максимов —
«Автор», 2026

Расследование полковника Службы Внешней Разведки РФ: История заговора и февральской революции 1917 года в Российской Империи от первого лица - в записях одного из организаторов и руководителей государственного переворота. Как события февраля-марта 1917 года продолжают влиять на современную Россию и весь мир?

© Максимов А., 2026

© Автор, 2026

Александр Максимов

Парижская тетрадь русского эмигранта

Александр Максимов

Парижская тетрадь русского эмигранта

Расследование полковника Службы Внешней Разведки РФ: История заговора и февральской революции 1917 года в Российской Империи от первого лица - в записях одного из организаторов и руководителей государственного переворота. Как события февраля-марта 1917 года продолжают влиять на современную Россию и весь мир?

**«Блаженны алчущие и жаждущие
правды, ибо они насытятся»**
(Евангелие от Матфея, 5-я глава, 6-й стих)

Давайте знакомиться

Меня, как и человека, о котором мне придется рассказать, по какому-то, скорее всего неслучайному совпадению, также зовут Александром Ивановичем.

Моё воинское звание полковник и мне, как офицеру Первого Главного Управления КГБ СССР - в начале моей службы, а затем Службы Внешней Разведки Российской Федерации, пришлось более двадцати пяти лет проработать во Франции в качестве агента «под прикрытием» на благо нашей Матушки-России.

Настоящую свою русскую фамилию я по понятным причинам назвать не могу. Французскую – тоже, ибо там «за кордоном» еще остались люди, на которых эти сведения могли бы пагубно отразиться. И если этой книге будет суждено выйти в свет, то на ее обложке не будет стоять моё настоящее имя.

По «легенде» от Центра я являлся потомком одного из дворянских российских родов и представителей «первой волны» русской эмиграции.

По гражданской специальности – мне пришлось работать во Франции, как приехавшему из Австралии, техническому специалисту и эксперту в области эксплуатации и обслуживания гидротехнических сооружений, в том числе и военных.

В зарубежную командировку меня направили в 1988 году, а в Россию я вернулся только весной 2014-го года, как раз в период «Русской весны», из-за предательства одного из наших сотрудников, чудом успев избежать грядущего провала и возможного ареста.

Более десяти лет я нахожусь в отставке. Живу, как пенсионер хотя, поддерживаю связь с коллегами по службе, ибо, как говорится - «у нас бывших не бывает».

Это, наверно и всё, что нужно знать обо мне читателю для начала нашего знакомства, поскольку книга моя будет вовсе не про нашу разведывательную деятельность, хотя профессиональные навыки разведчика мне весьмагодились при работе над ней.

Еще добавлю, что еще в начале 90-х годов прошлого века от одного, умирающего наследника наших русских белоэмигрантов в Париже, мне в качестве подарка достался десяток книг из его библиотеки, вышедших в различных европейских издательствах в 20-е и 30-е годы прошлого XX-го столетия.

Это были произведения, запрещенных тогда в СССР писателей послереволюционного русского зарубежья - Ивана Шмелева, философа Ивана Ильина и публициста Ивана Солоневича.

Вместе с этими книгами мне лично в руки была передана небольшая старинная тетрадь с рукописью, датированная 1936 годом под загадочным названием **«Записки Александра Ивановича Г.»**.

Возможностей для хранения этих по-своему уникальных книг и времени для изучения, как оказалось впоследствии еще более уникальной рукописи, у меня в тех условиях не было. Да и желания особого не возникало, ибо во мне еще доживал тогда настоящий советский человек.

Поэтому почти сразу же по получении, весь этот багаж с оказией «через третьи руки» мне удалось тайно переправить в Россию - в родительский загородный дачный домик под Санкт-Петербургом, где он пролежал в картонной коробке из-под обуви, до моего возвращения.

И только вернувшись на Родину, я смог более обстоятельно прочитать эти книги и внимательно ознакомиться с рукописью. А в процессе ознакомления – озадачиться той темой, о которой пойдет речь на последующих страницах.

Это было более десяти лет назад. Именно с тех пор я стал собирать и изучать материалы, тематически связанные со сведениями, изложенными в доставшейся мне тетради.

Из тетради Александра Ивановича Г. Запись первая

На дворе начало января 1936 года. Скоро я умру. Это произойдет - здесь в Париже. Осенью прошлого года врачи поставили мне диагноз - рак кишечника. Они вместе с моими родными - пытались скрыть от меня этот факт, но я и сам сразу всё понял. Ведь я - человек дела, человек прагматичный. За всю свою жизнь я привык, как можно скорее «расставлять все точки над I».

Так что скоро мне предстоит уходить с «лица земли». Я не подаю вида, окружающим меня людям, что все знаю о своей болезни и о приближающейся смерти. По мере оставшихся сил и времени, я пытаюсь работать и отлично понимаю, что окончание моей земной жизни состоится в ближайшие один-два месяца. Недаром, хорошо знавшие меня люди отмечали, что я всегда отличался высоким самообладанием.

В связи с этим предстоящим отшествием в иной мир, меня особенно в последние недели неотступно преследует мысль о том, что, пожалуй только мне одному вплоть до мельчайших подробностей известны и наиболее открыты все обстоятельства и детали февральско-мартовских революционных событий 1917 года в России, в которых я лично принимал непосредственное участие в качестве негласного руководителя.

И эти обстоятельства в значительной мере не соответствуют тем сведениям, которые изложены в мемуарах многих участников и свидетелей тех событий, в т.ч.

и моих личных свидетельств – интервью и показаний, представленных мною другим лицам.

В те времена, исходя из определенных договоренностей и обязательств, мне приходилось «в интересах дела» говорить неправду, давать ложные показания и излагать версию случившихся тогда событий, всеобщее согласованную с моими соучастниками.

А ведь на основании именно этих наших «показаний», «мемуаров» и «свидетельств» историки, будут строить свои научные доводы и делать свои «неопровержимые» исторические и логические выводы.

Поэтому, считаю необходимым хотя бы кратко, в виде покаяния перед Богом и людьми, изложить в этих «Записках» весь ход моего участия в событиях (насколько я вспомню), которые привели Российскую Империю к катастрофе и краху в марте 1917 года.

Наверное, будущие исследователи истории России, что-то обо мне напишут. Возможно, даже найдутся те, кто возьмутся сочинить мою биографию. Но мне, обратившись назад, хочется сказать о себе лишь то, что в своей жизни я имел всё, что хотел. И всё потерял.

Я был воином, банкиром и промышленником. Я был несчетно богат. Был хитроумен, смел и удачлив. Я испытывал себя в различных опасностях, на войне и на дуэлях. И всегда - везде выходил победителем. У меня было множество любовных интриг и связей с представительницами прекрасного пола.

Я имел стойкую репутацию «похитителя женских сердец», имел власть над людьми и умело пользовался этой властью.

Я был тем, кто всем сердцем любил Россию и первым из тех, кто её предал, продал и погубил, совершенно этого не желая.

Я жаждал возвышения и процветания Российской Империи, а оказался её палачом.

Последние 17 лет я прожил в Париже.

Бог дал мне на старости лет новую семью и детей – дочку и сына, которые возможно смогут вернуться в новую послебольшевистскую Россию и даже доживут до начала следующего века.

Но эти записки я пишу не для них.

Я передам эту тетрадь тайно особо доверенному лицу, с тем, чтобы сведения, изложенные в ней, может быть даже спустя десятилетия дождались своего часа и попали в руки к человеку, который сможет их предъявить для прочтения почтеннейшей публике.

В эти месяцы болезни, ужасных болей и страданий - перед лицом смерти, мне открылась вся полнота и последствия моих действий. Мне стало понятно, что я проиграл свою жизнь по всем статьям.

Я понял, что мне необходимо составить эти записки для будущих поколений: для историков и тех, кто захочет узнать настоящую правду о свержении с Престола последнего русского Царя и о крушении Российской Империи. Пусть эти записки останутся для истории, если уж не актом моего раскаяния, но хотя бы актом чистосердечного признания в совершенных мною действиях.

Глава 1. Предмет расследования

Меня заинтересовали эти рукописные свидетельства.

И поэтому, проживая в течение последних десяти лет на родине, я попытался исследовать и понять – что же случилось с Россией и с русским народом в начале XX-го века?

Каким образом наша страна, которая в то время стояла на первом месте в мире по темпам развития промышленного производства вдруг оказалась в пучине революции и на грани уничтожения.

Тем более, что, начиная со школы и до крушения Советского Союза мне, как и всему советскому народу внушались знания о том, что до 1917 года Россия была отсталой от всего мира «лапотной» страной и «мировым жандармом».

И вот только на старости лет я в полной мере открыл для себя ту настоящую Россию, которая существовала до 1917 года. Действительно - по темпам развития наша страна в то время стояла на первом месте, а русские крестьяне кормили сельхозпродукцией чуть ли не всю Европу.

Когда-то я прочитал у писателя Владимира Солоухина такие строки: *«Россия действительно стояла по всем отраслям промышленности и земледелия на уровне задач того времени, не занимая, может быть, первых мест, но была в ряду великих держав: Америки, Франции, Англии и Германии. Зато она занимала первое, недостижимое место по темпам роста».*

Именно эти строки стали отправной точкой открытия для себя той дореволюционной России и ее достижений.

Я не пишу научную работу и поэтому буду приводить свидетельства или данные из различных прочитанных мною книжных источников без употребления научных ссылок.

Согласно приведенным нашим русским мыслителем и философом Иваном Ильиным сведениям в цикле лекций **«О русской культуре»** за 20 лет (с 1894 по 1914 гг.) правления Государя Николая II процент прироста в России составил:

«- Население + 40 %

- урожая зерна + 78 %

- количества лошадей +37 %

- рогатого скота + 64 %

Промышленность:

- угля + 325 % (более чем в три раза)

- марганцевой руды + 364 % (более чем в четыре раза)

- меди + 375 % (почти в четыре раза)

- железной руды + 250 %
- нефти + 65 %
- добычи золота + 43 %
- свекольного сахара + 245 %
- хлопка + 388 % (почти в четыре раза)
- железных дорог + 103 %
- телеграфных сетей + 68 %
- торгового флота + 59 %

Народное образование:

- бюджет Министерства народного просвещения + 628 %. При этом выросла сеть церковных школ, сделан рывок в строительстве городских школ, еще больший – муниципальных и частных школ, что в госбюджете не учитывалось.

Число школ:

- высших +180 %, средних + 227 %, женских гимназий + 420 %, народных школ + 96 %.

В отношении народных школ Россия стояла на пороге осуществления всеобщего народного образования с сетью школ в радиусе одного километра.

И так было во всем. Созидание и прогресс..., т.е. так именно, что прирост товаров споспешествовал во всех областях приросту населения, а в некотором отношении увеличился даже в десятикратном размере».

Если кого эти данные заинтересуют, то более подробную картину темпов и итогов развития России в начале XX-го века можно прочитать в книгах **Бориса Львовича Бразоля «Царствование императора Николая II 1894–1917 в цифрах и фактах»**, а также современного историка **Андрея Борисюка «Рекорды Империи. Эпоха Николая II. Факты-Цифры-Фотографии»**.

Только в Петербурге за время правления Николая II:

В 1897 году открыт Женский медицинский институт.

В 1900 году торжественно открыто здание Электротехнического института на Аптекарском острове.

В 1902 году в п. Лесном открыт Политехнический институт.

В 1904 году в присутствии Государя был открыт Клинический повивальный институт. Здание соорудилось по проекту архитектора А.Н. Бенуа и было лучшим в Европе заведением такого рода.

В 1905 году был основан знаменитый Пушкинский дом – Институт русской литературы.

Начиная с 1903 года за десять лет введено в строй три моста через Неву – Троицкий (1903), мост Петра Великого (1911), Финляндский железнодорожный (1913).

В апреле 1902 года в Петербурге были проведены испытания первого в России троллейбуса, изготовленного фирмой П.Л. Фрезе, а в 1907 году в экипажных мастерских «Фрезе и Ко.» создавался первый русский автомобиль Яковлева-Фрезе.

В том же году в Петербурге был пущен первый трамвай.

В 1911 году профессор Технологического института Б.Л. Розинг впервые в мире продемонстрировал на электронно-лучевой трубке изображения геометрических фигур – прообразы телевизионного изображения.

Это конечно далеко не полный список – то, что навскидку «под руку попало». Если же присовокупить такие данные по всей стране, то перечень таких фактов будет огромен. Наше Государство двигалось в своем промышленном и экономическом процветании «семимильными шагами».

Высокими темпами развивалась авиационная промышленность. Советский военный историк Любомир Бескровный (+1980) в книге **«Армия и флот России в начале XX века»** пишет.:

«Разработка теоретических основ самолетостроения позволила русской военно-технической мысли подойти к решению вопроса о специализации самолетов и учреждению их типов в соответствии с боевыми задачами. Русские авиационные инженеры явились создателями принципиально новых типов самолетов. Именно в России были разработаны конструкции тяжелых самолетов, гидросамолетов и вертолетов... была решена задача создания бомбардировочной авиации (1914-1915 гг.). Русские впервые перешли к созданию крупных соединений тяжелой авиации».

В конце XIX – начале XX века автор знаменитой таблицы периодической системы химических элементов (1869 г.) Д.И. Менделеев – в записке **«Об исследовании Северного полярного округа»** в 1901 году обосновал народно-хозяйственное и оборонное значение освоения Северного морского пути и постройки для этой цели арктического ледокола. Причем, не ограничиваясь теорией, он вместе с выдающимся русским флотоводцем вице-адмиралом С.О. Макаровым разработал техническое задание на проектирование ледокола «Ермак» и добился выделения средств на его постройку. Первый в мире арктический ледокол был спущен на воду и введен в строй в 1899 году. Это судно не имеющее на то время аналогов в мире по размерам и мощности энергоустановки, работало в Арктике до 1963 года. Второе судно такого

класса - ледокол «Святогор», переименованный в «Красин» до сих пор находится на плаву и выполняет функции музея в Санкт-Петербурге, недалеко от Благовещенского моста на Неве.

В Санкт-Петербурге, в 1903 году в сотрудничестве с известным изобретателем Рудольфом Дизелем и главой концерна «Братья Нобель» Эммануэлем Нобелем была построена первая в мире дизель-энергетическая установка для первого в мире теплохода – русского речного судна «Вандал». А в 1908 году была спущена на воду первая в мире подводная лодка с дизельной энергоустановкой «Минога».

В августе 1912 года в Николаеве был спущен на воду первый в мире подводный минный заградитель «Краб». Перед Первой мировой войной из 80 судов, имевших дизельные энергетические установки, 70 ходили под русским флагом.

В своей книге Леонид Бескровный также указывает, что в 1911 г. Морским министерством был представлен Государю проект **«Закона об императорском Российском флоте»**, в котором *«определялось дальнейшее развитие военного флота на два десятилетия. Первым этапом реализации закона должна была стать пятилетняя «Программа усиленного судостроения», предусматривавшая в дополнение к уже строившимся 4 линкорам построить для Балтийского флота 4 броненосных и 4 легких крейсера, 36 эскадренных миноносцев и 12 подводных лодок, а сверх того 2 легких крейсера для Черного моря и 6 подводных лодок для Тихого океана. Предполагаемые ассигнования выражались в сумме 421 млн. руб.»*.

Эта программа была утверждена Советом Министров, прошла через Государственную Думу и стала законом 12 июня 1912 г.

В России началось строительство мощных линейных кораблей по проекту, который был разработан в 1908 г. на Балтийском судостроительном заводе под руководством выдающегося русского ученого А.Н. Крылова.

Л.Г. Бескровный также пишет: *«Перед мировой войной строили и еще более мощные корабли. Первым судном нового типа явился, эскадренный миноносец «Новик», вступивший в строй в 1913 г. - один из лучших боевых кораблей в мире. Его водоизмещение достигало 1240 т, три турбины мощностью в 40 тыс. инд. сил сообщали ему скорость 36-37 узлов. На вооружении корабля было четыре 100-мм орудия, четыре крупнокалиберных пулемета и четыре двухтрубных торпедных аппарата. По этому типу для Балтийского флота были сооружены 36 миноносцев, для Черноморского – 16 и для Тихого океана -11. Их строили на Путиловском, Петроградском металлическом, Ижорском заводах, Мюльграбенской верфи в Риге и на заводе «Наваль» в Николаеве»*.

В 1913 году в России было построено пятьдесят новых военных кораблей .

Такое количество говорит о многом, поскольку именно флот является показателем политической, экономической, научной и промышленной мощи государства.

Эта мощь уже во время Первой Мировой войны смогла пересилить «снарядный голод», пережить усталость поражений, прочие беды и привести русскую армию, по словам бывшего, тогда английским военным министром У. Черчилля **«в компанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо»**.

На весну-лето 1917 года была назначена Босфорская операция, в ходе которой планировалось взятие Стамбула – Константинополя и водружение православного креста над христианской святыней - Собором Святой Софии.

Таким образом, 1917 год должен был стать годом окончания Великой войны, годом победившей в этой войне России и русского триумфа.

К слову, мне за свою жизнь и в среде русской эмиграции, и уже здесь в России частные мнения о том, что это именно Государь является главным виновником упущенной победы в Первой Мировой войне. Но ведь на момент ее окончания он уже много месяцев был под арестом. В чем же его вина?

Государь весьма продуктивно способствовал хозяйственному, военно-промышленному, научному, культурному и главное духовно-нравственному развитию государства.

Россия не отставала от Европы, а во многих отраслях превосходила не только ее, но и Америку, где затраты на энергоресурсы по климатическим условиям в несколько раз ниже, чем в России.

На самом деле примеров подобного рода множество. Кто захочет – сможет их без особого труда отыскать. О них отдельно можно было бы составить весьма тяжеловесной энциклопедическое издание.

Когда для меня открылась эта картина русской старины и подъема российской промышленности, то я испытал некое потрясение.

Владимир Солоухин, который, испытал такое же чувство, в своей книге **«Последняя ступень»** признавался: *«Я мог быть приготовлен внутренне к той простой и вообще-то очевидной истине, если человек не слеп и не туп, что Россия была великим просвещенным государством, а вовсе не омутом темноты и невежества. Легко сообразить в конце концов, что невежественный, темный народ не мог бы породить ни великой архитектуры (Кижси, Суздаль, Киев, Ростов, Владимир, Москва, Петербург), десятки тысяч великолепных домов и храмов в бесчисленных городах и селах), ни замечательных песен, ни гениальной живописи (Рублев, Дионисий, Ушаков, Палех, Мстера, тысячи безымянных иконописцев), ни могучего языка, ни славных умов, ни грандиозных талантов в науке и во всех видах искусства»*.

Но, как же так случилось, что продвигаясь довольно быстрыми темпами в экономике, в культуре и социальной сфере, Россия вдруг оказалась на грани самоуничтожения?

Здесь, как мне видится, не обойтись без духовной или если говорить современным светским языком - мистической составляющей.

Перед самой отправкой за рубеж, выяснилось, что я, был крещен, по настоянию моей любимой бабушки, в детском возрасте, за городом - в деревенской церквушке и втайне от моих родителей-коммунистов.

Но сами «церковные университеты» мне изначально пришлось осваивать в Русской Православной Зарубежной Церкви (я даже пел в церковном хоре), а затем уже, как вполне искренне верующему человеку - по возвращении на Родину, когда я стал прихожанином одного из пригородных храмов Санкт-Петербурга.

Скажу еще, что это исследование делается по благословию моего духовного отца и по написании, будет передано ему для редактирования и последующей публикации, если будет на то воля Божия.

Ну, а что касается духовной составляющей Российской Империи, то здесь можно с уверенностью сказать, что русская революционная катастрофа в начале XX-го века стала неизбежной именно вследствие разрыва связи с Богом не только дворянства, финансовой и военно-промышленной элиты, но и критической массы русского народа.

Это было всеобъемлющее действие т.н. «зараженного духа», весьма показательно описанного Ф.М. Достоевским в романе «Преступление и наказание».

Недавно кстати, я прочитал и подтверждение этой своей мысли у уже почившего нашего современника – богослова, преподавателя и просветителя Евгения Авдеенко (+2014 г.).

В своей статье **«Каинова печать и русская революция»** он написал:

«Причина катастрофы не экономика, не политика, не ошибки власти, не заговор, а, в конечном счете, только «зараженный дух» – проникший во все слои и сословия народной жизни «зараженный дух».

Повреждены все сферы ума человеческого – нравственная, научная, правовая, религиозная. Наступило помрачение ума, которое непременно предшествует преступлению.

Ошибка сердца – это не теория, не расчет, не поиск своего интереса, это – подмена религиозной веры, ее энтузиазма и жертвенности, это – уверенность в истине, убеждение, мучение, слезы... Но ошибка сердца не есть сознательная ложь...

В революции мы приняли на себя Каинову печать, как наказание, и задача – в том, чтобы совлечь с себя Каинову печать. Как для личности, так и для народа одинаково достоверно, что печать Каина не снимается покаянием. Только – страданием.

В этом смысл тоталитарного режима и внутреннего террора в России после революции. В этом смысл участия народа в самой жестокой из войн мировой истории. Народ понес великое страдание и через внутренний режим, и через войну с внешним врагом».

Эти строки были написаны и высказаны в лекциях Евгением Авдеенко около пятнадцати лет назад.

К его проникновенными пророческим словам о понесенном «великом страдании», я бы сегодня добавил еще слова о продолжающихся горестных испытаниях нашего народа в случившуюся пять лет назад смертоносную ковидную пандемию и полыхающую уже более четырех

лет гражданско-отечественную войну, объявленную нам западными странами и нацеленную, говоря их же языком, на «нанесение стратегического поражения России».

Из тетради Александра Ивановича Г. Запись вторая

С чего же все началось?

Причина банальна и в первую очередь она носила весьма личный характер. С одной стороны понятно, что «на всё воля Божия», а с другой...

С Императором Николаем II я имел честь познакомиться 26 мая 1905 года. На этой встрече присутствовала и его супруга Императрица Александра Феодоровна.

Встреча состоялась вскоре после окончания русско-японской войны, когда я, вернувшись из японского плена, пытался так сказать от «первого лица», донести до Государя сведения - о проблемах в армии, о революционных настроениях и нестроениях в обществе и даже в мягкой форме выступил с предложением осуществить государственный переход к «конституционному строю».

Мне потом мой родной брат Николай, занимавший в то время пост Московского городского головы, не без ехидства и сохраняя императорскую интонацию, рассказывал о том, как Государь с некоторой долей иронии отзывался о нашей состоявшейся встрече. И это несмотря на то, что фактически мое предложение о «конституционной монархии» содержало призыв по существенному ограничению его самодержавной императорской власти. Хотя в целом Царь весьма одобрительно отозвался обо мне, как о деятельном и мужественном представителе своего сословия.

Государь был очень тактичным человеком. Он имел отличную память и это мое, с его точки зрения идиотское предложение о «конституционной монархии», хорошо запомнил.

Но я был уверен в своей правоте и мнение Государя, меня интересовало в последнюю очередь. Я в своей жизни уже тогда привык добиваться поставленных целей.

Опишу здесь сведения о хорошо известных событиях, связанных с последующими думскими выборами и моего участия в работе Государственной Думы, а также моих контактах и весьма добрых отношениях с Председателем Правительства Петром Аркадьевичем Столыпиным, убитым в Киевском театре террористом Богровым в сентябре 1911 года.

Прочая моя деятельность была у всех на виду и непрерывно обсуждалась в петербургских и московских великосветских салонах, а также довольно часто освещалась в газетах того предреволюционного времени.

Точкой отсчета событий, о которых я хочу написать, стал 1910 год. Именно в этом году у меня возник весьма нелицеприятный конфликт с Государем.

В силу своей самоуверенности и самонадеянности, да еще будучи на тот момент Председателем Государственной Думы, я позволил себе (только для того, чтобы показать свою значимость) разгласить нескольким другим лицам подробности одного частного и весьма конфиденциального разговора с Государем-Императором.

Когда Государь узнал об этом факте, то он очень расстроился и посчитал меня предателем.

Царь попросил одно очень высокопоставленное должностное лицо из Правительства передать мне, что я - то ли «свинья», то ли «подлец». Или - и то, и другое. Я не знаю, какой точно термин употребил тогда Государь, но мне передали оба.

А еще после этого случая, на официальных многолюдных приёмах, он никогда не отвечал на мои приветствия, как бы вовсе меня не замечая. Будто вместо меня было пустое место и делал он это так, чтобы все окружающие видели, что это совершалось им намеренно.

Для того положения, которое я тогда занимал, и лично для меня такое отношение со стороны Царя было невыносимо несправедливым и обидным.

Именно это отношение и обида породили во мне тот праведный гнев, который явился причиной моей лютой ненависти к Государю и ко всей его семье.

Этот гнев владел мной все последние годы и только недавно - в смертельной болезни, которую мне послал Бог, у меня наступило прозрение, благодаря которому и возникла необходимость вести эти записи.

Глава 2. Главный «герой»

Изучая различные мемуары и исторические исследования о том времени, я постарался, по крайней мере для себя, составить портрет человека, от которого это рукописное наследие через многие десятилетия попало в мои руки. И вот, что получилось.

Александр Иванович Гучков родился в 1868 году. Он имел крупное состояние, которое оценивалось в 600 - 700 тыс. рублей.

Гучков стал самым активным участником подготовки Февральской буржуазной революции 1917 года в России, а по ее победе - военным и морским министром в первом составе Временного правительства.

Он происходил из среды староверов и старого московского купечества, а высшее образование получил на историко-филологическом факультете Московского университета.

Сам себя Гучков называл «человеком шалым». Шесть раз он дрался на дуэли, хотя вызовов было гораздо больше. Причину такого шального характера - некоторые видели в особенности родословия: его отцом был совладелец торгового дома «Гучкова Ефима сыновья» и почётный мировой судья Иван Гучков, а матерью-француженка Коралина Петровна Вакье, которую его отец отбил у московского купца Куманина, проникнув в дом под видом кучера и похитив любимую им женщину. Конечно, не без предварительного ее согласия, ибо впоследствии она стала его женой.

Наш современный историк Александр Боханов (+2019) характеризовал А.И. Гучкова, как человека амбициозного, неуживчивого, темпераментного и легковозбудимого.

«Азартный игрок по натуре, он и в политике был сторонником рискованных ходов... Приняв решение, он непременно стремился его выполнить, часто, казалось бы, вопреки логике и трезвым аргументам окружающих» - писал Боханов об этом человеке.

Идеей «фикс» для Гучкова стало изменение политического строя в Российской Империи и установление конституционной монархии, вместо монархии самодержавной. Этой идее он и посвятил всю свою жизнь.

В 1908 году Гучков посетил Турцию с тем, чтобы познакомиться с техникой турецкого государственного переворота, заставившего Абдул Гамида (*турецкого султана с 1876 по 1909 гг. - Прим. редактора*), дать туркам конституцию.

Публикующий в своих мемуарах сведения о результатах этой поездки известный русский политик начала XX-го века Н.Е. Марков написал: *«Вскоре Председатель комиссии государственной обороны 3-й Госуд. Думы А.И. Гучков организовал в Петербурге, на Сергиевской улице свой частный генеральный штаб из доброго десятка молодых и честолюбивых генералов и соответствующего числа полковников, и капитанов Генерального штаба... и через этот частный штаб г. Гучкова установилась живая и непосредственная связь оппозиционной Государственной Думы с корпусом офицеров Императорской армии».*

Фактически этот «частный генеральный штаб» был сформирован Гучковым, как масонская «Военная ложа», находившаяся в составе еще более крупной масонской организации под названием «Великая ложа народов России». В нее вошли практически все будущие генералы-предатели, которые в 1917 году технически обеспечили победу заговорщикам и участникам февральского государственного переворота.

Современник Гучкова - барон Федор Винберг в своей книге *«Крестный путь»* так характеризовал этого человека:

«Что касается Гучкова, друга Столыпина, бывшего умеренных политических убеждений скорее консервативного направления, то он раньше, до войны представлялся мне очень умным, каков он и есть на самом деле, но кроме того искренним и горячим патриотом, в своей общественной деятельности ищущим служения общему благу Родины, но никак не личным мотивам и побуждениям.

Гораздо позднее я понял его таким, каким он теперь мне представляется, - а именно страстным самовлюбленным честолюбцем (опять тот же общерусский порок), всевластно отдавшимся желанию играть крупную политическую и общественную роль и ради этой цели готовым разрушать все преграды, представляющиеся на пути.

Кроме того, несмотря на весь его ум и большие способности, этот человек принадлежит к разряду роковых неудачников, которых преследует какая-то особая судьба, развращающая извращающая всякое дело, ими предпринимаемое. Происходит это, может быть, потому что у многих таких людей чувство личного честолюбия преобладает над стремлением идти по пути бескорыстного служения целям общественного блага и в сознании исполненного, по мере сил и способностей, долга находить достаточное удовлетворение и награду за свои труды...

Гучков оказался игрушкой во власти революционной черни, которой тщетно пробовал угодить попустительством и лестью».

К моему удивлению, почитатели приведенных выше отрицательных «танталов» Александра Гучкова, присутствуют и сегодня в нашей церковной среде. Например, современные официальные церковные историки в материалах, касающихся канонизации Царской семьи, изданных под названием *«Он всех простил»*, выпуска 2004 г., называют А.И. Гучкова и его сподвижника – атеиста П.Н. Милюкова *«наиболее реалистически мыслившими членами Временного Правительства».*

Наш современник и «властитель дум» российской интеллигенции - писатель Эдвард Радзинский в своем интервью «Российской газете» в 2010 году назвал этих государственных преступников и их соучастников *«светлыми, благороднейшими людьми»*.

Когда я спросил своего духовного отца об этих мнениях, то он ответил, что *«такое помрачение духа в положительной оценке революционеров и губителей России, видимо, как болезнь передались через поколения и утвердилось в сердцах и умах многих наших в т.ч. православных современников и даже священства»*.

Все эти сведения пробудили во мне еще больший интерес к автору рукописи и к событиям, в которых ему довелось участвовать.

Учитывая специфику моей основной профессии, а также школу, навыки, опыт и знания сотрудника спецслужб, я решил, провести собственное расследование событий, случившихся в Российской Империи в предшествовании 1917 года, чтобы составить свое личное, пусть и субъективное мнение.

Собственно, работа разведчика и состоит в том, чтобы постоянно отделять реальную информацию от дезинформации и устанавливать факты от того, что фактами не является. Это такая кропотливая внутренняя духовно-интеллектуальная работа, основанная на знаниях, опыте и интуиции, которые позволяют отличать достоверную информацию от недостоверной.

Мои однокурсники по Высшей школе КГБ Андрей Безруков и Елена Вавилова, проработавшие также, как и я - «под прикрытием» почти четверть века на Западе, в своей книге под названием **«Нетворкинг для разведчиков»** написали: *«Разведчики в течение долгого времени оттачивающие своё оперативное искусство, вырабатывают особую память на людей и отношения. Так же, как художник может в деталях воспроизвести увиденный ранее пейзаж, а пианист сыграть несколько симфоний, опытный профессионал-оперативник способен хранить в памяти детали историй многих людей и подробности разговоров с ним на протяжении нескольких лет. Главное оружие разведчика его связи. А его основное качество – умение разбираться со множеством ситуаций и людей...»*.

Вооружившись этим качеством, благословением моего духовного отца и материалами одного современного нам священника – исследователя тех событий, от которого имею письменное разрешение на использование его литературно-исторических трудов, причем без указания каких-либо специальных ссылок, а так же множеством сопутствующей литературы, но в первую очередь с Божией помощью и записями Александра Ивановича я постараюсь провести собственное расследование событий, случившихся более ста лет назад.

Ибо на мой взгляд они напрямую связаны с теми социальными потрясениями и военными катастрофами, которые в течение последних ста с лишним лет происходили и продолжают происходить на территории бывшей Российской Империи, Советского Союза и теперь уже Российской Федерации.

Из тетради Александра Ивановича Г. Запись третья

Обида и гнев по отношению к Императору меня раздирали.

Я был одержим ненавистью и стремлением жестоко отомстить Царю и поставил это себе целью. Меня просто внутренне сотрясало от этого желания и мне нужно было удовлетворить свою жажду мести. Хотя внешне я никак ее не проявлял.

На мою удачу к этому времени в кругах великосветского общества, уже в полной мере разгорались скандалы, связанные с именем сибирского крестьянина Григория Распутина, которого Царская Семья, вопреки мнению многих высокопоставленных и близких к Царскому Двору людей, прочно записала себе в друзья.

В высшем обществе вовсю обсуждались, исходящие из кружка дяди Государя - Великого князя Николая Николаевича «сведения о принадлежности Распутина к секте хлыстов», а также о распространяемой тогда духовником Царской Семьи - епископом Феофаном (Быстровым) новости о том, что Распутин обесчестил, какую-то женщину и та, якобы открыла ему этот факт на исповеди. Великий князь незадолго до этого женился на одной из двух черногорских принцесс – Анастасии Николаевне – Стане, как ее называли в обществе. Они сожителем существовали еще до брака. Причем Стана была тогда замужем и Распутин, будучи приглашаем в их круг высказался об этой связи резко отрицательно. Больше, его туда не приглашали, и вся травля его началась из этого кружка. Я воспользовался полученными от близких к ним людей сведениями и передал их для печати известному в московских кругах (бывшему «толстовцу») Михаилу Новоселову. Он считался тогда особым ревнителем православного благочестия.

В марте 1910 года Новоселов опубликовал в газете «Московские ведомости» статью под названием «Духовный гастролер - Григорий Распутин». Газетой тогда руководил близко знакомый мне монархист (бывший революционер-«народоволец») Лев Тихомиров. В этой статье Распутин обвинялся «в духовной прелести» и был назван «хлыстом» и «эротоманом».

Кроме того, мне так же передали, что у бывшего друга Распутина - иеромонаха Илиодора (Труфанова) оказались на руках, какие-то письма к Григорию от Императрицы и ее дочерей, избличающие их близкую связь.

Мне было крайне необходимо заполучить эти письма. Через них у меня возник план скомпрометировать Царскую Семью и самое главное Императрицу. И таким образом отомстить Государю.

Летом 1911 года Илиодор за свои экстравагантные выступления впал в немилость у церковного Синода и стал искать себе высоких покровителей.

Напомню, что с 10 марта 1910 года по 15 марта 1911 года я занимал должность Председателя Государственной Думы и поэтому предпринимать в это время какие-либо публичные действия против Государя для меня было тактически крайне невыгодно.

В августе 1911 года с помощью различных влиятельных лиц, нам удалось организовать личную встречу Илиодора с хорошо мне знакомым Московским губернатором Виктором Джунковским.

Илиодор передал ему копии писем, а губернатор проинструктировал - вернее сказать дал монаху строгие указания, как тому действовать в последующие месяцы, чтобы скандал широко разгорелся.

Илиодор горел ненавистью к Распутину, точно так же, как я – к Государю. Он считал Распутина виновником всех своих бед и страстно желал отомстить ему.

С губернатором Джунковским у меня всегда были добрые деловые и даже дружеские отношения. Он являлся участником нашей Военной ложи. Поэтому вскоре все пять этих «копий писем» оказались у меня.

Если, честно сказать, то при копировании нашими умельцами в них были внесены некоторые изменения.

В письма от Императрицы и от царевны Ольги были включены несколько томно-эротических и надрывно-истерических строк. А письма от царевен Татианы, Марии и Анастасии – были только немного поправлены и остались почти в оригинале.

Так было сделано для большей достоверности и убедительности, учитывая их совсем юный или даже детский возраст. Эти копии за мой счет сотнями размножались на гектографе (копировальный аппарат того времени – Прим. редактора) и широко распространялись в высших слоях нашего общества.

В оригинале все эти пять писем были совершенно невинными.

Григорий Распутин был не грамотным человеком. Писал он, как «курица лапой», а читать мог, кажется, только печатный текст, да и то с трудом - по слогам.

Прописной текст самостоятельно он читать не мог и все те лица (в т.ч. Императрица с дочерьми), кто к нему писали - точно знали и понимали, что сам он прочесть эти письма не сможет. Ему такие письма читали вслух, те кто был рядом с ним.

Но про неграмотность Распутина, тогда мало кто знал, и поэтому все высокопоставленные читатели этих подложных «писем» были убеждены, что они держат в руках настоящие улики распутного поведения «грязного мужика» Григория Распутина и Императрицы с дочерьми.

Мсть моя –удалась и мне показалось, что я был удовлетворен. Я ждал реакции Государя. И она не задержалась. Через военного министра Сухомлинова, с которым я встречался по делам думской комиссии по обороне, мне повторно была передана фраза Государя: «Гучков-подлец».

Глава 3. Обвинения и обвинители

Наиболее объективное мнение о том реальном человеке, которого звали Григорий Распутин высказал ныне уже покойный, весьма авторитетный московский священник Дмитрий Дудко (+2004).

В предисловии к книге писателя Олега Платонова о Григории Распутине под названием «Жизнь за Царя» он написал:

«В действительности Григорий Ефимович Распутин-Новый был необыкновенный человек, народный праведник... Распутин стоял за Православие, был сам глубоко православным и к этому призывал всех...

В лице Распутина я вижу весь русский народ - поверженный и расстрелянный, но сохранивший свою веру, даже погибая. И сам он побеждает! Второе, что меня поразило в Распутине, это его религиозные записки. Так может писать только опытный в духовной жизни человек».

К сожалению, как в светском, так и в православном сообществе есть авторы, которые высказывают совершенно противоположную точку зрения.

Зарубежная православная писательница Любовь Миллер в своей книге **«Я написала правду...»** высказала такое мнение:

«Лично я думаю, что Господь попустил родиться Распутину, как Он попустил родиться Иуде, предавшему Иисуса Христа. Подобно Иуде, Распутин сыграл злую роль в судьбе Помазанника Божия и Его Семьи, а с Ними и всей России... Я считаю (и так оно и есть), что Распутин был воплощением самого сатаны».

В 2011 году в свет вышли примерно одинаковые по объему книги писателя Эдварда Радзинского **«Распутин»** и доктора исторических наук Александра Боханова **«Правда о Григории Распутине»**. Эти книги являются продолжением многолетней разработки авторских взглядов на указанную тему и представляют собой совершенно противоположные точки зрения на исследуемый вопрос: кто же был Григорий Распутин?

Мнение, которое выражает в своей книге Э. Радзинский - общепринятое на сегодня для большинства нашего общества.

Он заключает свои исследования о Распутине фразой: *«Христос давно покинул его, а он все молился, не понимая, что давно служит Антихристу».*

Историк А. Боханов, касательно подобного рода утверждений, отметил: *«...сочинителям скабрёзных пассажей, их менторам и спонсорам подлинный Григорий Распутин не нужен и не интересен. Главная мишень - совершенно другая, несравненно выше и значимее - Православная Россия».*

Такая разница мнений двух известных российских современных писателей в оценке личности Григория Распутина, построенных практически на одних и тех же исторических материалах еще больше подогрела во мне интерес добраться до истины.

И я стал до нее добираться.

Касательно обвинений Григория Распутина в т.н. «хлыстовстве», надо сказать, что при изучении различных свидетельств и официальных документов по этому делу, в действительности оказалось, что все обвинения были сфальсифицированы.

Но всё по порядку.

Мне в плане изучения и понимания вопроса: «Кто такие «хлысты»?» было вполне достаточно уяснить для себя, что эта секта появилась в России вXVII-ом веке.

Кроме большинства факторов, которые присущи любой тоталитарной секте, в «хлыстовстве» вполне обычным явлением считался и практиковался, как норма, т.н. «свальный грех». Эти действия являлись для членов секты составной частью их «богослужения», когда мужчины и женщины предавались всеобщей половой разнузданности при т.н. «радениях» в различных местах собраний, невзирая на родство, семейное положение или возраст друг друга.

Кто захочет более подробно и образно ознакомиться с историей хлыстовской ереси, тот может прочитать о ней в романах известного русского писателя девятнадцатого века Павла Мельникова-Печерского.

Но прежде, чем обсуждать здесь вопрос о личности Григория Распутина, мне необходимо сказать здесь несколько слов о Царской Семье, с которой Распутин был неразрывно связан в последние годы своей жизни.

Мое личное мнение о последнем русском царе Николае II и о его семье еще с юности было глубоко отрицательным. Оно сложилось и запечатлелось со школьной скамьи, когда учительница по истории рассказывала нам о нем, как о «безвольном», «бездарном» и «глупом» правителе.

В студенческие 70-е годы прошлого века, это мнение утвердилось после прочтения книги советского журналиста Марка Касвинова «**Двадцать три ступени вниз**». Эта книга рассказывала о времени правления Николая II и, как мне тогда показалось, выглядела весьма убедительно аргументированной.

Негативное убеждение по отношению к последнему русскому Царю у меня закрепилось в Высшей Школе КГБ, где наши преподаватели также высказывали о нем глубоко отрицательное мнение, впрочем, как и о Григории Распутине.

Тогда я был полностью с этим мнением солидарен. А сегодня понимаю, что мои учителя сильно заблуждались. И не только они.

Из личных многолетних наблюдений, с печалью могу отметить, что самую большую ненависть к Государю испытывают почему-то люди именно военные, а еще в большей степени сотрудники наших российских специальных секретных служб и военной разведки.

Может это такое тяжелое наследие основателей советской разведки - военных разведчиков генералов А.И. Игнатъева и М.Д. Бонч-Бруевича? Или тайного героя Октябрьской революции генерала Н.М. Потапова, который во время февральского переворота служил в Главном Управлении Генерального Штаба в должности начальника эвакуационного управления и по заведованию военнопленными, а в апреле 1917 г. возглавил органы разведки и контрразведки в русской армии?

Или прочих царских генералов, принявших сторону большевиков?

Хотя среди «белого» генералитета и офицерства также было немало «ненавистников» Государя. Вспомните, что герой романа Михаила Булгакова «Белая гвардия» Алексей Турбин говорит о Государе:

«Ему никогда, никогда не простится его отречение на станции Дно. Никогда».

Как сказал мой духовный отец: *«это видимо такое тяжкое бремя «героев», которым не хватает духовной мудрости, чтобы всеобъемлюще увидеть полноту событий, а может наоборот, чтобы видя и зная - прикрыть вину близких по духу и по службе людей, тех, кто по-настоящему виновен в свержении и гибели всей Царской Семьи. И никому уже нет дела до того, что Государь не только на станции Дно не отрекался – он вообще не отрекался от Престола».*

В качестве примеров приведу несколько мнений современных критиков Государя.

Царский военный агент в Париже и впоследствии советский генерал - граф Алексей Игнатъев (1887-1954) в мемуарах под названием «**Пятьдесят лет в строю**» написал: *«Но сам-то царь, кто он теперь для меня? Мне предстоит отказаться только от него, а он ведь отказался от России. Он нарушил клятву, данную в моем присутствии под древними сводами Успенского собора при коронавании. Николай II своим отречением сам освобождает меня от данной ему присяги, и какой скверный пример подает он всем нам, военным! Как бы мы судили солдата, покинувшего строй, да еще в бою? И что же мы можем думать о «первом солдате» Российской империи, главнокомандующем всеми*

сухопутными и морскими силами, покидающем в разгар войны свой пост, не помышляя даже о том, что станет с его армией?».

Весьма уважаемый и авторитетный, ныне уже покойный (+2001), Нижегородский митрополит Николай (Кутепов) в интервью «Независимой газете – Религия» от 25.04.2001 г. на вопрос корреспондента: *«Почему у вас такое отношение к царю?»* - ответил: *«Видите ли, он государственный изменник. Почему? Ему было вручено все для правления. И даже Священное Писание гласит, что "правитель не зря меч носит", для того чтобы усмирять тех горлопанов, которые восстают против. Далее. Практически он, можно сказать, санкционировал развал страны. И в противном меня никто не убедит. Что он должен был делать? Он должен был применить силу, вплоть до лишения жизни, потому что ему было все вручено. Он считал нужным сбежать под юбку Александры Федоровны.».*

Митрополит Крымский Тихон (Шевкунов) за несколько дней до премьеры показа своего фильма «Гибель империи. Российский урок» в апреле 2021 года в интервью под названием «Ложь и драма русской революции» на телеканале «СПАС» высказал такое мнение о Государе: *«Глава государства отвечает за всё. За всё, в том числе и за это поражение. И история не снимет с него этой ответственности. Он был во главе. Он должен был предусмотреть.».*

В 12-й серии этого фильма Владыка Тихон утверждает, что 2-го марта «в Царском вагоне Император Николай 2 отрекается от Престола в пользу своего сына», а в начале 13-й серии делает заключение: *«Государь был сломлен.».*

Известный военный разведчик, уважаемый военно-политический эксперт и глубоко верующий православный человек Александр Артамонов в одном из телевыступлений, явно пылая отвращением и презрением к Государю, вообще договорился до того, что он «расстрелял» бы Царя Николая II за «дезертирство... в эпоху ведения войны».

Это всё довольно показательные примеры, когда уважаемые и авторитетные лица, имеющие весьма трезвое и объективное мнение по множеству тех или иных вопросов в сфере своей деятельности, совершенно по-детски проявляют наивную доверчивость и заблуждаются в конкретном ведении исторических событий.

И либо не желают, либо не могут понять, принять и осознать полную картину произошедших событий, принимая за истину свидетельства революционеров-сатанистов. Они принимают часть целого - за само целое, иллюзию - за реальность, миф – за истину или вырванный из контекста событий факт - за полноту всех произошедших обстоятельств.

Я, например недавно, лично слышал от уже упоминаемого мной выше сокурсника полковника СВР Андрея Безрукова уверенное заявление в том, что человек произошел от обезьяны. А ведь он профессор МГИМО и выдающийся политический аналитик. Но до сих пор не может усвоить того, что известно большинству наших может и не очень грамотных бабушек «в белых платочках», молящихся в Храмах - человек есть создание Божие.

Что касается сведений о Григории Распутине, то я смутно помнил еще из советской школьной программы, что он был пьяница и дебошир, дурно влиял на Царя с Царицей и вел аморальный образ жизни. Так нам рассказывала учительница по истории в седьмом или восьмом классе.

Устойчивое отрицательное мнение о Распутине у меня сложилось особенно после прочтения романа Валентина Пикуля «**У последней черты**» и просмотра фильма режиссера Элема Климова «**Агония**», который был снят в 1974 году.

Этот фильм вышел на экраны кинотеатров в СССР только в перестроечные 80-е годы прошлого века, и я успел его посмотреть буквально перед началом моей заграничной командировки.

Роман «У последней черты» был впервые издан в усеченном советской цензурой виде в 1979 году, а полном варианте появился уже под названием «**Нечистая сила**» только в 1989 году.

В аннотации к одному из многочисленных изданий этой книги говорится: *«Нечистая сила. Политический роман о разложении самодержавия, о тёмных силах придворной камарильи и бюрократии, толпившейся возле престола; летопись той поры, которую зовут реакцией между двумя революциями; а также достоверная повесть о жизни и гибели „святого чёрта“ Гришки Распутина, возглавлявшего сатанинскую пляску последних „помазанников Божиих“».*

Уже работая за границей и общаясь с потомками русских эмигрантов, я услышал о Распутине и Царской семье почти аналогичное мнение.

Разные люди рассказывали мне, что «полковник Романов» (имея ввиду Государя) больше любил «забавляться фотографией», нежели государственными делами. Его сравнивали с французским королём Людовиком XVI, который обожал чинить сломанные замки и мастерить шкапулки с секретом, а наш Государь, мол ночи напролёт занимался проявлением фотокарточек.

Еще высказывалось утверждение, что обоих этих правителей «сгубили бабы».

Мне говорили, что хоть большинство людей и не верили, что Царица – шпионка, но что именно «на её совести весь этот срам распутинщины».

А поскольку Распутин «был единственным человеком», кто мог «заговаривать кровь» у больного гемофилией Царевича Алексея, то «совсем не мудрено, что она на этого конокрада молилась».

Еще Распутина обвиняли в том, что он был «конокрадом». Мол, не надо было этого «конокрада» допускать к государственным делам.

Вывод далее делался такой, что может Царица «и была хорошей матерью, но хорошей Императрицей стать не сумела». И если бы не она, «то не было бы «распутинщины», ни революции, ни подвала в Ипатьевском доме Екатеринбурга, где расстреляли всю Царскую Семью».

Выслушивая все эти весьма безапелляционные умозаключения, мне показалось довольно странным, что и белогвардейские, и советские историки так едины во мнениях касательно личности не только Григория Распутина, но и Императора с Императрицей.

И эта мысль посеяла во мне первые сомнения относительно достоверности сведений, предъявляемых различными историками, публицистами и писателями.

Что-то не сходилось в этих «сведениях».

Но продолжу мои изыскания...

Распространение слухов о «хлыстовстве» Григория Распутина началось в 1907 году и было в полной мере раскрыто с участием близких в то время к Царской Семье двух черногорских сестер — Великих княгинь Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны.

Эти две сестры практиковали в своем кругу занятия оккультизмом - проще говоря, колдовством или чародейством, а Государь и его семья строго держались православного вероучения и являли собой подлинный пример жизни православных христиан.

Поэтому, когда к означенным выше занятиям кружка «черногорок», добавилось незаконное с точки зрения церковных канонов бракосочетание Великого князя Николая Николаевича с Великой княгиней Анастасией Николаевной (которой для этого пришлось развестись с первым мужем), Царская Семья не сочла нужным продолжать с ними дружеские взаимоотношения, поскольку со стороны этих лиц явно проглядывались корысть и лукавство.

«Черные принцессы», как их тогда называли, посчитали, что разрыв этих отношений состоялся не без прямого духовного участия Григория Распутина и именно поэтому они его резко и глубоко возненавидели. После чего стали активно распространять в великосветских кругах клевету о нем, как «хлысте» и о его «порочной» связи с Царской Семьей.

«Дело о хлыстовстве» в целом длилось с 1907 по 1912 год и все проверяющие лица не нашли в поведении Григория Распутина ничего сектантского и антиправославного.

Первая проверка длилась восемь месяцев и никаких компрометирующих Распутина фактов не выявила. Но потом это «дело» опять возобновили.

В 1912 году епископ Тобольский Алексей (Молчанов) лично встречался с Распутиным и в результате состоявшихся бесед заключил, что считает Григория Ефимовича *«человеком очень умным, духовно настроенным, ищущим правды Христовой, могущим подавать при случае добрый совет тому, кто в нем нуждается»*.

Дело было окончательно прекращено и утверждено к закрытию епископом Алексием 29 ноября 1912 года.

Таким образом, за пять лет весьма придирчивыми инспекторами не было выявлено никаких доказательств о принадлежности Григория Распутина к секте «хлыстов». Все свидетельства заинтересованных лиц оказались ложными. Дело было закрыто, но, как говорится «осадок остался», а параллельно с «Делом о хлыстовстве» враги Царской Семьи и Григория Распутина уже запустили новый виток клеветнической компании.

Вторым направлением деятельности врагов Государя, совместно с «черными принцессами» и их мужьями обозначилась интрига, которая произросла из тесного сотрудничества этого оккультного кружка с епископом Феофаном (Быстровым), который какое-то время был духовником Царской Семьи.

Именно его авторитет, а также степень высокого служения и непосредственной близости к Венценосцам, стали прикрытием для очередного вброса клеветнических сведений о Григории Распутине.

Здесь существуют несколько версий одного и того же события, и чтобы не заниматься пересказом приведу их из первоисточников.

Игумен Серафим (Кузнецов), который лично знал Царскую семью в своей книге *«Православный Царь-мученик»* написал: *«Впоследствии у Григория Распутина с епископом*

Феофаном вышли неприятности, последний ставил в вину Григорию Распутину то, что якобы ему одна какая-то женщина открыла на исповеди - неблагопристойное поведение старца Григория. Епископ Феофан и здесь показал свою неопытность духовную, на слово поверил этой женщине, которая впоследствии оказалось все придумала; но это еще ничего, он доложил Царице, что ему на исповеди такая-то открывала нехорошее по отношению поведения Григория. Каково же было глубоко верующей Императрице слышать от своего духовника то, что ему было открыто на исповеди?.. Подобному доносу своего духовника Императрица не только не поверила, а сочла его поступок самым недостойным и преступным против церковных канонов».

Подруга Государыни Анна Вырубова в воспоминаниях под названием «**Страницы моей жизни**» более детально рассказала об этой истории. В те время она часто бывала у тогда еще не епископа, архимандрита Феофана и часто встречала там молодую девушку по имени Елена, которая «всегда с жаром слушала беседы» и «причащалась на ранних обеднях». Потом Елена увлеклась каким-то студентом и «перестала бывать». Григорий Ефимович укорял ее и как-то раз пристыдил при других. Елена выбежала и сразу отправилась к архимандриту Феофану. Упав перед ним на колени, она стала доказывать, что Распутин ее обесчестил. Архимандрит Феофан «ухватился за клевету и дело пошло!» Анна потом как-то встретила эту девушку на улице и пыталась ее ласково урезонить. Но это уже была не тихая «бледная, смиренная Лена», а «наглая и грубая дама», которая истерически закричала: «Отомщу Григорию!».

Епископ Феофан по своей духовной неопытности и наивности, поверил рассказам этой женщины и кроме Императрицы, раскрыл тайну исповеди епископу Гермогену (Долгоневу) и иеромонаху Илиодору (Труфанову).

Духовно мудрая Государыня распознала в этом сообщении клевету и подлый навет, а Илиодор и епископ Гермоген поверили лживым сведениям.

Епископ Феофан поверил клевете и оказался не прав, а Государыня не поверила и была права.

Историк Александр Боханов пишет об Императрице: *«Александра Фёдоровна была слишком хорошо богословски образована и прекрасно понимала, что ничего противохристианского никогда не звучало из уст Распутина. Она не считала его святым, но знала, что он Божий человек, посланный Всевышним для благополучия Их Семьи, для блага всей России. Ведь он спасал жизнь Наследнику Престола, а это — Божье дело».*

Дальнейшие события покажут, что кроме указанной выше Елены в этой спецоперации по ошельмованию Григория Распутина и Царской Семьи были также задействованы и другие женские персонажи.

Против Григория Распутина и Царской Четы ополчились близкие родственники, придворные, высшие духовные и военные лица, священнослужители, разнородные политические партии, депутаты Госдумы, владельцы и редакторы средств массовой информации – все они в состоянии слепой одержимости выступили единым фронтом с целью опорочить Царскую Семью и этого «грязного мужика».

Поэтому, вполне можно допустить, что эту женщину – «исповедницу» специально наняли, подготовили и подослали к архимандриту Феофану, как к «духовнику Царской Семьи», с целью дискредитации Григория Ефимовича.

Упомянутый Гучковым, московский публицист Михаил Новоселов был одним из первых, кого враги Государя подключили к теме «недостойного поведения» Распутина. Его снабдили сфабрикованными т.н. «неопровержимыми» документами, на основании которых он написал опус под названием **«Духовный гастролер - Григорий Распутин»**, о якобы непристойных поступках Григория. Эту статью опубликовала газета **«Московские ведомости»** в №49 от 15 (2 по ст. ст.) марта 1910 года. Замечу здесь – ровно за семь лет – день в день до свержения Государя. Статья была построена на анонимных, лживых и бездоказательных материалах. Но это никого не интересовало. Врагам Царской Семьи был важен скандал - и он состоялся.

Следующий удар по Распутину был нанесен через владыку Феофана (Быстрова). Он со своими единомышленниками Илиодором (Труфановым) и архиепископом Гермогеном (Долганевым) оказался игрушкой в руках настоящих «темных сил». Все трое вначале были близкими друзьями и почитателями Григория Ефимовича.

Получив ложные сведения, они составили для себя новое - отрицательное мнение о Распутине. Оно и далее складывалось под влиянием круга врагов Царской Семьи, сестёр-черногорок и лживых показаний псевдоисповедницы, которой доверился епископ Феофан.

Особого внимания заслуживают также сведения о встрече московского губернатора Виктора Джунковского с иеромонахом Илиодором (Труфановым).

Газета «Копейка» от 16 августа 1911 года сообщала: ***«Вчера иеромонах Илиодор был у губернатора В.Ф. Джунковского и имел с ним продолжительную беседу, о содержании и результатах которой пока никому ничего не известно.»***

Здесь уместно было бы поставить вопрос: какие могут быть общие интересы у московского губернатора и скандального и одержимого демонами иеромонаха Илиодора?

Эти вопросы по сути должен поставить для себя каждый разумный человек.

Но раз встретились и имели «продолжительную беседу» - значит и интересы, и общие дела у них были?

О результатах этой встречи можно судить лишь по произошедшим в последующие месяцы и годы событиям.

16 декабря 1911 года заманив Григория Распутина на Ярославском подворье, в Санкт-Петербурге на 8-ой линии Васильевского острова епископ Гермоген, иеромонах Илиодор и писатель-патриот Иван Родионов увещевали и принуждали изменить свое поведение.

Причем, судя по всему, Распутин совершенно не понимал, чего от него хотят. Он ведь не имел никакого отношения к тем сплетням, какие о нем распускали враги Царской Семьи.

Распутин по-дружески пришел в гости к людям, с которыми считал себя в добрых отношениях, но вместо дружеских объятий получил целый «букет» огульных и совершенно фантастических обвинений. Вполне естественно, что он стал отрицать эти обвинения. Тогда эта троица предприняла по отношению к нему, мягко говоря, насильственные действия.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих мемуарах **«Путь моей жизни»** написал: ***«Распутин я никогда не видал, хоть и не раз имел возможность с ним встретиться, но***

от встречи с ним я всячески уклонялся. Сибирский странник, искавший Бога и подвига и вместе с этим человек распущенный и порочный, натура демонической силы, - он сочетал поначалу в своей душе и жизни трагедию: ревностные религиозные подвиги и стремительные подъемы перемежались у него с падениями в бездну греха...».

Читая эти строки, становится понятно, что это свидетельство исходит от человека вовсе не из стана почитателей Григория Распутина - от человека, который лично его не знал, но мнение о нем имел.

Далее митрополит Евлогий пишет:

«Одним из друзей Распутина, которые от него отшатнулись, лишь только они поняли, с кем имеют дело, был Саратовский епископ Гермоген. Аскет, образованный человек, добрейший и чистый, епископ Гермоген был, однако, со странностями, отличался крайней неуравновешенностью, мог быть неистовым. Почему-то он увлекся политикой и в своем увлечении крайне правыми политическими везениями потерял всякую веру. Интеллигенцию он ненавидел, желал, чтобы всех революционеров перевешали. Он ополчился против Распутина, когда убедился в его безнравственном поведении, и решил зазвать его к себе, дабы в присутствии писателя Родионова и иеромонаха Илиодора взять с него заклятие, что он отныне не переступит порога царского дворца. Говорят, епископ Гермоген встретил его в епитрахили, с крестом в руке. Распутин клятвы давать не хотел и пытался скрыться. Родионов и Илиодор бросились за ним на лестницу, его настigli, и все трое покатались по ступеням вниз..., а епископ Гермоген, стоя на площадке в епитрахили и с крестом в руке, кричал: "Будь проклят! проклят! проклят!...».

Эдвард Радзинский более красочно описывает эту встречу и со слов того же Илиодора указывает, что епископ Гермоген бил Распутина по голове медным крестом, а писатель Родионов угрожал обнаженной саблей.

Григорий Ефимович через подругу Государыни Анну Вырубову довел до Царской семьи о нападении и о случившемся над ним насилии. Неудивительно, что стороны Синода последовали определенным наказаниям и владыке Гермогену, и его сподвижнику будущему расстриге – иеромонаху Илиодору.

Епископ Гермоген не успокоился и в газете «Свет» №12 за 1912 год назвал Григория Распутина «вреднейшим религиозным веросовратителем»,

«насадителем новой хлыстовщины», «пакостником плоти», «опасным и яростным хлыстом», который «будучи развратным... свой разврат прикрывает кощунственно религиозностью».

Таким образом епископ Гермоген активно содействовал Илиодору и епископу Феофану в распространении клеветы на Григория Распутина.

Когда же Синод Церкви, удалил его от управления епархией и в наказание за недостойное, возмутительное поведение отослал на покаяние в белорусский Жировицкий монастырь, то в ответ на увещания Св. Синода он сделал следующее заявление: *«Я убежден, что решение синода по моему делу выносится под влиянием давления извне, под влиянием обер-*

прокурора Саблера, в свою очередь находящегося под влиянием других лиц. Это влияние я считаю велением сатаны, а потому решение синода считаю решением сатаны, и, как таковому, я не подчинюсь».

Эти его слова приводит Московская «Газета-Копейка» в своём выпуске от 31 января 1912 года.

Читать такие проклятия в адрес священноначалия из уст весьма авторитетного владыки, даже при возможной неправоте решения Синода, мягко говоря, стыдно и смутительно. Эти фразы выдают духовную немощь человека, тем более, если этот человек монах и священнослужитель, да ещё и в сане епископа.

До наших дней дошло свидетельство о том, что впоследствии епископ Гермоген осознал свою неправоту по отношению к Григорию Распутину и после убийства Царского Друга служил по нему панихиду, внутренне «примирившись с ним».

Что касается поведения епископа Феофана, то Царская Семья достаточно милостиво отнеслась к заблуждениям своего бывшего духовника.

В июне 1912 года владыка был направлен на место нового служения в Астрахань. Перед отъездом он сказал товарищу обер-прокурора Св. Синода Даманскому следующие слова: *«Распутин - сосуд дьявола, настанет время, Господь покарает его и его защитников».*

Т.е. – Царскую Семью.

Это признание показывает, что именно сам Владыка находился в состоянии «духовной прелести», ибо настоящий христианин и тем более добрый священнослужитель никогда не пожелает зла другим, а только спасения. Епископ Феофан полагал, что он обличает Григория Распутина и Царскую Семью, а на самом деле обличил самого себя.

Что касается истории с т.н. «интимными» письмами, якобы написанными Государыней и Великими княжнами к Григорию Распутину, распространявшимися в копиях врагами Царской Семьи, то здесь надо обратить внимание на следующие факты.

В своем интервью «Петербуржской газете» от 29 февраля 1912 года Григорий Распутин сам прямо упомянул своей неграмотности, сказав корреспонденту, что он еще **«азбуки еще не осилил»**.

О неграмотности Распутина в 1917 году, будучи под арестом, свидетельствовала, в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Анна Вырубова:

«Председатель: – Вы были в переписке с Распутиным?»

Вырубова: – Нет, потому что он ведь был безграмотен. Так что, если писал, только телеграммы.

Председатель: - Но, вы ему писали. Не потому, что он был безграмотен?

Вырубова: – Писем безусловно я ему не писала. Что же писать письма, он их не читал, давал посторонним, это не особенно приятно».

Из этих сведений можно сделать вполне однозначный вывод – Григорий Распутин был неграмотным человеком и самостоятельно, по крайней мере прописные тексты, он читать не мог.

Тогда здесь уместно поставить вопрос: зачем бы Государыня, несомненно, зная о неграмотности Распутина, стала писать ему письма весьма личного, да еще т.н. «интимного» содержания?

Но этот вопрос никого и в то время никого не интересовал, да и в наше время мало кого не интересует.

Каким же воспаленным сознанием или духовным помрачением надо обладать, чтобы высказать хотя бы предположение, уже даже не касающееся Государыни, а вообще любой нормальной женщины, о том, что она может написать интимное письмо человеку, который не сможет его самостоятельно прочесть.

А уж даже не утверждать, а только предположить, что этот человек может попросить кого-нибудь прочесть такое «интимное» письмо, адресованное только лично ему - совсем абсурдно и явно находится за гранью здравомыслия.

Но наши современные исследователи, историки и литераторы по своей духовной поврежденности полагают, что это возможно – верят этим наветам и бессовестно жонглируют этой ложью. Это заключение касается всех любителей и смакователей «распутинского мифа».

Таковыми подлыми подменами оперируют большинство историков, писателей и исследователей тех событий. Во всем этом видно только желание «притянуть за уши» одни факты к другим и выдать «желаемое» за «действительное».

Государыня и Царские дети, конечно, писали письма или записки Григорию Распутину. Но только такие письма, которые кто-то мог ему прочитать, а вовсе не те, которые были сфабрикованы врагами Царской Семьи и использовались в целях революционной пропаганды.

Английская исследовательница жизни Царской Семьи Хелен Рапопорт в своей книге «Дневники княжон Романовых», вышедшей в 2024 году, объективно указывает на то *«что в письма очевидно в какой-то момент были внесены правки и изменения, и в различных источниках они напечатаны с отличиями. До сих пор не вышел в свет ни один источник, где они были бы приведены в полном объеме».*

Из тетради Александра Ивановича Г. Запись четвертая

Государь мне ответил. И я этот вызов принял. Руки у меня были развязаны, поскольку полномочия Председателя Госдумы я с себя снял. Я почувствовал себя дуэлянтом у барьера, где обязан был победить. Ибо проигрывать я не умел. Да это и не было в моих правилах.

Надо сказать, что основные наметки заговора против Государя, с целью установления в России «конституционной монархии» начали формироваться еще на рубеже 1909-1910 годов, когда я, изучив турецкий опыт государственного переворота, создал основу организации под названием «Военная ложа».

В 1911 году в армии были введены органы Военной контрразведки. Военный министр Сухомлинов утвердил «Положение о контрразведывательных органах» и «Инструкцию начальникам контрразведывательных органов».

Мне удалось привлечь к работе и сотрудничеству в нашей «ложе» не только высших офицеров армии и флота, но и высокопоставленных служащих Министерства Внутренних дел, дипломатического корпуса, а также офицеров военной разведки и контрразведки, близких к руководству этими службами. Вскоре они сами стали руководителями этих служб.

В том же 1911 году, когда был убит друживший со мною премьер-министр Петр Столыпин, нашими агентами активно распространялись слухи о том, что следственное дело об этом убийстве было намеренно прекращено и «положено под сукно», потому что Столыпин перестал устраивать Государя, как Председатель Совета Министров и был убит агентом охраны Богровым по его тайному распоряжению.

Когда в январе 1913 года на место Министра Внутренних дел был назначен В.Ф. Джунковский, мы стали обладать безграничными возможностями для дискредитации Григория Распутина и Царской Семьи.

В 1912 году один из наших единомышленников-литераторов под псевдонимом «Ив. Пересветов» сочинил сатирическую поэму под названием «Кощей-Лиходей» про хлыстовство Григория Распутина. Мы активно размножали и раздавали этот опус по светским салонам и в литературных кругах, откуда он уже расходился к прочим читателям.

Основная война против «партии» Государя развернулась в начале 1912 года. Главную роль здесь играли также личные мотивы и моя ненависть к Царю, хотя для всех это выглядело, как борьба за справедливость, за восстановление моего честного имени, за обычные человеческие права и свободу.

В конце января 1912 г. в принадлежащей мне газете «Голос Москвы» была опубликована заметка о Григории Распутине, в которой он был назван «растлителем» и «хлыстом», «шарлатаном» и «эротоманом». Провокация удалась. По грозному распоряжению из Петербурга московские власти были вынуждены были в качестве наказания приостановить выпуски газеты на семь дней.

Это позволило мне, как депутату Госдумы, подать запрос к Правительству под громким и скандальным названием «О похождениях хлыста-развратителя Григория Распутина».

Объявляя на заседании Госдумы мои действия о подаче сего запроса, я весьма патетически заявил о том, что за спиной Распутина стоит целая банда людей, взявшая на откуп его магические чары.

Несмотря на то, что я хотя весьма расплывчато выразился по поводу «банды людей» окружавших Распутина, все, кому было надо поняли, что я имел ввиду Государя и Государыню.

В продолжении этой истории 28 февраля в «Голосе Москвы» была опубликована статья того же Михаила Новоселова под названием «Исповедь одной жертвы Распутина», в основу которой легла история, рассказанная епископом Феофаном (Быстровым). Весь этот номер был конфискован и уничтожен, что позволило мне опять же

заявить протест против цензуры и уже на следующий день в номере газеты от 29 февраля во всеуслышание заявить об этом событии. Таким образом, скандал вокруг имени Распутина, то понемногу тлел, то вновь разгорался «бушующим пламенем». Этого мне и было нужно.

В то же время я обратился с специалисту по сектоведению (тайному большевику) Владимиру Бонч-Бруевичу, с запросом на предмет принадлежности Распутина к секте «хлыстов». Правда, Бонч-Бруевич не подтвердил, а наоборот опроверг эти сведения. Но значения его заключение уже не имело. Новость о моем запросе была на слуху, а ответ Бонч-Бруевича стал известен только узкому кругу лиц.

Упомяну еще об одном событии, имевшим место примерно в это же время. С начала весны 1912 года я при помощи близких мне офицеров из «Военной ложи» начал громкий процесс против полковника Сергея Мясоедова, служившего в Военном Министерстве.

Сначала в газетах «Новое время» и «Вечернее время» были опубликованы небольшие заметки, написанные подконтрольными мне корреспондентами, с намеками на шпионскую деятельность Мясоедова. Причиной тому была также моя личная ненависть к этому человеку, который как-то при общении (вернее сказать при попытке его вербовки в «Военную ложу») - в личной беседе, дал мне понять, что он вполне разделяет мнение, высказанное обо мне Государем.

В конце апреля 1912 года в интервью газете «Новое время» я уже вполне открыто обвинил Мясоедова в шпионаже.

Он вызвал меня на дуэль, которая состоялась через несколько дней. Мясоедов стрелял первым и промахнулся, а я сразу же после этого выстрелил в воздух. Все окружающие оценили моё благородство. Я одержал очередную победу.

Полковник Мясоедов был уволен в запас, хотя проведенное уже после дуэли соответствующими службами расследование, не выявило никаких действий, подтверждающих обвинения Мясоедова в шпионаже. Да и не было никакого шпионажа. Просто этот человек встал у меня на пути, и он должен был быть уничтожен.

В 1915 году во время войны наши пути опять пересекутся и тогда его настигнет смерть. Но об этом расскажу позже.

Глава 4. Новая атака

Читая эти признания, я понимал, что коварство и изощренность действий Гучкова и его единомышленников принимали все более широкомасштабный характер. Складывалось впечатление, что по всем информационным каналам откуда-то сверху была подана соответствующая команда на участие в травле Григория Распутина и на разрушение престижа и почитания Царской Четы, вплоть до возбуждения к ней оголтелой ненависти.

Что касается упоминаемого Гучковым сочинения Пересветова, то я обнаружил этот гнусный и лживый пасквиль на 11 листах, распространявшийся в 1912 году недругами Григория Распутина и Царской Семьи, в Российском Государственном историческом архиве.

Общее название архивного дела (орфографию сохраняю): «**Пересветов, Ив., - "Кашей-Лиходей. Дивная история про старца Григория, обаятельная хлыстовского из села Покровского"**». Сатирического стихотворение (РГИА, Ф. 796, Оп. 205, д 788).

Обсуждением и распространением, изложенных в сплетнях и на газетных страницах, вымышленных «эротических» приключений Григория Распутина плотно занимались различные лица из петербургской и московской знати, имевшие связи по всей России, а также близкие родственники Государя в великосветских салонах и на различных общенародных мероприятиях.

Александр Боханов пишет: *«25 января 1912 года за его (Гучкова) подписью от имени октябристской фракции был сделан запрос правительству о Распутине. Поводом к нему послужило вышедшее накануне распоряжение московских властей о приостановке на семь дней издания газеты «Голос Москвы» за публикацию резкой статьи, где Распутин был назван «растлителем», «обманщиком», «хлыстом», «эротоманом» и «шарлатаном». Газета «Голос Москвы» издавалась братьями Гучковыми, так что вся эта акция была хорошо продумана».*

Историк также приводит свои доводы и свидетельства из дневника родной сестры Государя Великой княгини Ксении Александровны. Он пишет:

«Приняла сплетни за правду и Великая княгиня Ксения. 25 января 1912 она занесла в дневник: «Говорили о Гермогене, Илиодоре, а главное — о Григории Распутине. Газетам запрещено писать о нём, а на днях в некоторых газетах снова появилось его имя, и эти номера были конфискованы. Все уже знают и говорят о нем, и ужас какие вещи про него рассказывают, т. е. про Аликс и всё, что делается в Царском. Юсуповы приехали к чаю — всё тот же разговор — и в Аничковом вечером, и за обедом рассказывала всё слышанное. Чем все это кончится? Ужас!».

«Петербургская газета» от 8 февраля 1912 года опубликовала статью под названием *«Запрос о похождениях хлыста Гр. Распутина»* в которой в частности говорилось: *«Никогда еще третья государственная дума не представляла правительству такого сенсационного запроса, какой предъявлен был вчера вечером по инициативе благонамереннейших из благонамеренных октябристов, с А.И. Гучковым во главе. Запрос предъявлен: «О похождениях хлыста-развратителя Григория Распутина, позорнейшие преступления которого в Петербурге и в провинции возмущают всех честных граждан...»... Впрочем, так как развратник Григорий Распутин лицо не официальное, то запрос об его злодеяниях предъявлен под соусом запроса о конфискации московской газеты братьев Гучковых за небольшую заметку о Григории Распутине».*

Разыгрывая в этой истории роль неповинной жертвы, Гучков в своей думской речи заявил: *«Вдумайтесь только, кто же хозяйничает на верхах, кто вертит ту ось, которая тащит за собой и смену направлений, и смену лиц, падений одних, возвышение других? ...Но Григорий Распутин не одинок: разве за его спиной не стоит целая банда, пестрая и неожиданная компания, взявшая на откуп и его личность, и его чары?».*

Чуть больше, чем через месяц после этих событий, а именно 29 февраля 2012 года газета «Голос Москвы» сообщила новую скандальную новость: *«Вчерашний N "Голоса Москвы" конфискован за статью Новоселова «Исповедь одной жертвы Распутина».*

Итак, на страницах этой, принадлежащей братьям Гучковым газеты, Григория Распутина представляли развратником.

Но ведь братья Гучковы сами с юности были, что называется «охочими до женского пола». Александр Иванович женился только в 33 года, снискав себе порочную славу покорителя многих женских сердец. Его брат Федор, отличавшийся крутым нравом и разгульным образом жизни, писал ему в августе 1903 г.: *«Мы, кажется, дружочек, отгуляли свой век. Что ж срок был не короткий и погуляли в волю».*

По прочтении этого откровения, мне пришла мысль: «А что же они про свой разврат забыли написать запрос в Госдуму»?

Написали бы о своих похождениях и о своих «жертвах» из числа женского пола в «Голосе Москвы», а если сами не смогли написать, то попросили бы своего подручного православного работника пера Михаила Новоселова.

Может быть, благодаря его незаурядному таланту ревнителя Православной веры - их похождения так же возмутили бы тогда «всех честных граждан»?

Получается, что они сами, будучи страстными развратниками, обвиняли в разврате другого человека? Ради чего – понятно! Но насколько тогда эти обвинения обоснованы, доказательны и объективны?

Желая получить подтверждение о принадлежности Распутина к секте «хлыстов» или хотя бы возбудить очередной информационный скандал Александр Гучков в начале 1912 года обратился к специалисту по сектам В. Д. Бонч-Бруевичу (ставшему после Октябрьской революции Управляющим делами Совета Народных Комиссаров) и попросил его сделать соответствующее заключение.

В 1917 году после февральской революции Гучков в Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства (ЧСК) давал следующие показания:

«Через несколько недель Бонч-Бруевич мне пишет, что ему всё ясно. Конечно, его (Григория Распутина - Прим. автора) нельзя зачислить в какую-нибудь определенную секту, он одиночка, но у него есть родство с хлыстовщиной, духоборством... это не только проходимец, который надел на себя маску сектантства, а сектант, в котором было известное проходимство».

Это была очередная ложь со стороны Гучкова.

На самом деле Владимир Бонч-Бруевич весной 1912 года в журнале «Современник» опубликовал «Письмо в редакцию» под названием «**Как веруешь?**» с подзаголовком «По поводу толков о сектантстве Г. Е. Распутина-Нового». В заключении письма он написал свой вердикт: *«считаю своим долгом открыто заявить, что Г. Е. Распутин-Новый совершенно определившийся православный, — а не сектант».*

Сам Григорий Распутин достаточно спокойно воспринимал всю эту клевету и нападки на него.

В интервью «**Петербуржской газете**», опубликованном 29 февраля 1912 года, он сказал корреспонденту: *«А Илиодор все несет наружу, на показ праздной толпе. Илиодор, да это правда, хоть и монах был, а примириться, смирить, значит, себя-то не мог, да и не хотел. Гордыня обуяла его великая, вот и страдает он только от этой гордыни своей. И этим он теряет много, если не все».*

Иеромонах Илиодор, который являлся, чуть ли не главным свидетелем в «деле Распутина», в конце 1912 года публично отрекся от православной веры и от священнического сана.

«Петербургская газета» от 15 декабря 1912 года сообщала о том, что «иеромонах Илиодор написал Синоду, что он отрекается от православия» и уточняет, что он «собственной кровью, добыв ее из пореза, написал: «Отрекаюсь от православия...».

Вскоре в номере этой же газеты от 20 декабря сообщалось о беседе ее сотрудника с одним «духовным лицом, авторитетным в канонических вопросах», в ходе которой, последний заявил: *«По каноническим правилам безумные, одержимые демоном, не могут участвовать в клире. Если даже Илиодор и душевно больной человек, то все равно он не может священнодействовать... Если же он здоров, то после отречения от православной церкви он считается еретиком».*

Таким образом, можно заключить, что все обвинения против Григория Распутина выдвигал «безумный», «одержимый демоном» или просто духовно и «душевно больной человек».

А в каком же духовном состоянии тогда должны были находиться люди, поверившие этому человеку и оказавшие ему свое покровительство?

Несмотря на то, что все наветы врагов на Григория Распутина и Царскую Семью были опровергнуты – сами враги не унимались и продолжали действовать.

Газета «**Столичная Москва**» в номере от 1 июня 1914 года напечатала рассказ того самого «одержимого демоном» бывшего иеромонаха Труфанова, под названием «Гриша», начиненную всё теми же «эротическими пассажами».

История продолжалась.

Из тетради Александра Ивановича Г. Запись пятая

Я не считаю необходимым описывать здесь все этапы и детали наших действий против Распутина и Царской Семьи.

Я понимал уже, что эту связь не разрушить газетными атаками.

Поэтому, когда от бывшего монаха Труфанова мне передали сообщение, что появился человек, который был готов убить Распутина, я поддержал эту идею, но как бы оставаясь при этом в стороне.

Мол получится- так получится. Это было в июне 1914 года, примерно за месяц до начала Великой войны.

Покушение на убийство произошло на родине Распутина в селе Покровском. 29 июня, когда он вышел из дома на почтамт, к нему обратилась за милостыней какая-то незнакомая ему женщина. Это была почитательница монаха Илиодора - Хиония Гусева. Когда Распутин отвлекся, чтобы подать ей монету, она достала из-под накинутого на плечи платка нож и ударила его им в живот.

Рана была опасной, но Распутин выжил и поправился.

Из этой истории нам также удалось устроить всеобщий скандал, о котором трубили почти все газеты. Новости об этом покушении и его подробности обсуждали по всей России. На следствии Гусева заявила, что она хотела отомстить Распутину за то, что он соблазнил какую-то хорошо ей знакомую монахиню и обесчестил её. Этот сюжет нам удалось расписать со всей нашей буйной фантазией и наработанным в этом деле опытом.

Я уже писал выше, что с назначением Начальником корпуса жандармов Виктора Джунковского у нас повсюду на местах появлялись свои надежные люди.

Вот и мы, зная предстоящем покушении послали в Покровское своего агента-журналиста по фамилии Дувидзон. Он по нашему заданию должен был оказаться первым на месте убийства и сделать соответствующий сенсационный репортаж. Но полной победы и сенсации не получилось. Бог и в этот раз встал на сторону Распутина и Царской Семьи.

Хионию Гусеву судили и поместили в сумасшедший дом. А когда мы пришли к власти в марте 1917 года, то одним из первых наших действий было ее освобождение, как невинной жертвы царского режима.

Что касается, организовавшего это покушение Илиодора, то, когда он узнал о том, что Распутин остался жив и понимая, чем ему это грозит, уже 2-го июля бежал из России через финляндскую границу. Причем его побег был организован с помощью писателей: хорошо уже известного тогда Максима Горького и менее известного Александра Пругавина, с которыми монах встречался накануне своего бегства.

В эмиграции Илиодор написал книгу о Распутине и его связи с Царской Семьей под названием «Святой чёрт». Конечно, писал он ее не сам лично, ему бы ума не хватило, но ему помогли наши агенты - журналисты и писатели.

Впрочем - тема Распутина волновала меня в это время уже гораздо меньше. Заговор против Государя принимал вполне определенные очертания.

Когда началась Великая война и главнокомандующим всей русской армией был назначен наш высокий покровитель и единомышленник Великий князь Николай Николаевич, я понял, что пришло время воспользоваться этой возможностью для устранения Государя.

Жандармский корпус под руководством Джунковского уже был в наших руках, а теперь в наших руках оказалась и армия.

Но для того, чтобы наша победа окончательно состоялась, было необходимо убрать из структуры Военного министерства преданных Государю людей.

Одним из таких людей был Военный министр Владимир Сухомлинов, занимавший этот пост с 1909 года.

И тут наудачу, в поле моего зрения вновь появился близкий к Сухомлинову полковник контрразведки Мясоедов, вернувшийся в армию с началом войны.

Мне совместно с другим офицером разведки и контрразведки моим приятелем генералом Михаилом Бонч-Бруевичем (это родной старший брат Владимира, о котором я ранее писал) и его помощниками удалось подготовить и осуществить тайную операцию против Мясоедова, выставив его перед военным командованием и всей общественностью германским шпионом.

Наших подставных агентов к Мясоедову, приставил мой старый знакомый генерал Павел Ренненкампф.

Эти агенты подложили Мясоедову компрометирующие его документы. В середине марта 1915 года он был, что называется «пойман с поличным» и спешно казнен уже 2-го апреля – всего через две недели. Наша комбинация удалась. Через «дело Мясоедова» нам удалось нанести удар по репутации министра Сухомлинова и в июне 1915 года он был снят с должности.

На должность Военного Министра был назначен генерал Алексей Поливанов. Меня с ним связывала многолетняя дружба. Его ближайшим помощником стал генерал Лукомский, которому было суждено стать одной из ключевых фигур в революционных событиях марта 1917 года.

Параллельно в мае-июле 1915 года мы с единомышленниками – владельцами различных предприятий создали сеть «Военно-промышленных комитетов» и «Главных по снабжению армии комитетов Всероссийских земских и городских союзов» (Земгор), которые способствовали размещению на заводах и фабриках разного вида оборонных заказов. Фактически все эти комитеты были нашими революционными ячейками.

В начале 1916 года на территории России действовали более 220 местных комитетов. Все они подчинялись непосредственно Центральному комитету военной промышленности, который я лично возглавлял с июля 1915 года.

Председателем «Земгора» стал будущий глава Временного правительства князь Георгий Львов.

Нам удалось укрепить престиж Военного министра Поливанова и уже в первые месяцы 1916 года преодолеть острый кризис в снабжении армии – т.н. «снарядный голод». Производство орудий было увеличено в два раза, снарядов в три раза, а пулеметов в четыре раза.

Изначально мы планировали произвести государственный переворот в августе 1915 года. Его финалом должен был стать арест Царя и Царицы, с устранением их от власти. Все наши силы были к этому готовы. На нашей стороне были главнокомандующий армией Великий князь Николай Николаевич, которого мы собирались назначить временным военным диктатором, высшие офицеры армии и флота, Военный министр Поливанов и министр внутренних дел Джунковский. Мы заручились поддержкой большинства родственников Государя, министров и почти всей военно-промышленной и финансовой верхушки.

У нас была тогда уверенность в успехе по реализации наших планов.

Но Бог опять выступил на стороне Царской Семьи.

Григорий Распутин первый узнал подробности о готовящемся перевороте и втайне через кого-то (скорее всего через Анну Вырубову) передал эти сведения Государю и Государыне. Государь понимал, что если он не предпримет быстрых и решительных ответных действий, то спасти ситуацию, уже будет невозможно. И он эти действия предпринял.

19 августа 1915 года Император на заседании правительства объявил о том, что он смещает с должности Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича и сам заступает на эту должность.

Мы насколько возможно всеми своими силами попытались остановить его от этого шага.

На следующий день все министры просили его не производить этой смены, а 21 августа они подали ему коллективное письменное обращение с той же просьбой. Так же все родственники Государя пытались его отговорить, а его матушка - бывшая Императрица Мария Федоровна, устроила ему форменный скандал. Но Царь был неумолим.

Он и в этот раз добился исполнения своего решения. 26 августа Великий князь Николай Николаевич покинул Ставку, а Государь окончательно возглавил армию.

В эти же дни с должности был снят и отправлен в действующую армию Министр внутренних дел Джунковский.

Когда его сняли, я написал ему дружеское письмо со словами поддержки.

За время своего нахождения в должности Министра – Джунковскому в период 1913-1914 гг. удалось провести блестящую операцию по разгрому всех «Охранных отделений», которые занимались политическим сыском и запретить деятельность агентов «охранки» в Госдуме, в армии и среди студентов. Это сослужило нам большую пользу при подготовке следующего этапа борьбы против Государя и его сторонников.

В связи с тем, что Царь стал во главе армии - наши планы по его устранению провалились. Некоторые из нас даже ждали возмездия и арестов, но их не последовало. Государь в рабочем порядке и без скандалов проводил замену кадров. Так, например, в октябре 1915 года был уволен в отставку генерал Ренненкампф. В марте 1916 года Государь убрал Поливанова и Лукомского. Мы отступили, но не сдались.

Кроме того, в эти же августовские дни 1915 года было принято решение о создании Северного фронта. Командующим этим фронтом стал генерал Рузский, а Начальником штаба к нему был назначен мой приятель и единомышленник генерал Михаил Бонч-Бруевич. Эта связка, основанная на дружеских отношениях, также сыграет свою ключевую роль в будущем февральском перевороте 1917 года.

Глава пятая. Свидетели и свидетельницы

Когда в селе Покровском случилось покушение на Григория Распутина, то действительно местные жандармы задержали там корреспондента газеты «Петербургский курьер» Вениамина Дувидзона, писавшего под псевдонимом «Паганини».

У него не оказалось регистрации и «вида на жительство» в данном месте. Поэтому местные жандармы его проверили и отпустили, хотя сам он толком не смог объяснить причину своего местонахождения в Покровском.

Но именно Дувидзон первым сообщил в Петербург о совершившемся покушении, а через два дня в газете «Петербургский курьер» было напечатано его скандальное интервью под названием «Исповедь Гусевой».

Эту «исповедь» моментально перепечатали и другие газетные издания. Хиония Гусева оказалась поклонницей расстриги Илиодора, но утверждала при этом, что убийство задумала сама и соучастников у нее не было.

Гусева лично Распутина не знала, но в интервью Дувидзону сообщила следующие сведения: *«Пользуясь полной безнаказанностью, он открыто живет с девицами, пороча честь без зазрения совести, без стыда. Мою близкую подругу Ксению он растлил на моих глазах. Он порочит, поносит и губит людей, пользуясь своим влиянием. Он сгубил кроткого Илиодора! Я — простая христианка, но больше не могла выносить поругания церкви! Я неизлечимо больна. Жизнь моя мне не дорога. Я еще в прошлом году пыталась убить его, но это мне не удалось».*

Нетрудно догадаться из каких источников Гусева эти «сведения» получила, но понятно, что к реальности все её показания отношения не имели.

Как выяснилось уже после появления статьи Дувидзона, никакого интервью после ареста Гусева дать просто технически не могла, ибо, как категорично утверждали местные полицейские чины, никого из посторонних к ней не допускали.

Получается, что Дувидзон взял у нее интервью либо до совершения ею преступления, либо сам сочинил эту «исповедь» по заданию своих заказчиков.

Историк Александр Боханов пишет: *«... одно из двух: или Дувидзон выдумал всё от начала и до конца, или он «взял интервью» еще до покушения. В первом случае подозрение в соучастии кажется малоубедительным. Если же дело развивалось по второму варианту, то тогда журналист не просто «случайный очевидец», а соучастник готовившегося преступления. Согласно правовым нормам, действовавшим в России, знание преступного умысла и недонесение о готовящемся преступлении — уголовно наказуемое деяние. Однако «Паганини» не только не был привлечен к делу ни в каком качестве, но у журналиста не взяли даже показания о причине его местонахождения в момент покушения в столь неожиданном месте».*

Ответ на вопрос «почему Дувидзона так легко отпустили?» - можно получить, припомнив, что в это самое время главой всех российских жандармов был приятель Александра Гучкова и бывший московский губернатор Виктор Джунковский.

Отсюда можно сделать вывод, что вся эта операция и скандал были заранее тщательно спланированы.

Расчет врагов Царской Семьи был на то, что Гусевой удастся убить Распутина и для оперативного освящения в печати этого предполагаемого убийства в Покровское заранее был направлен «журналист» Дувидзон.

Что касается экстренного бегства за границу Илиодора, то, как только он узнал о неудавшемся покушении, сразу же связался со своими покровителями, которые и помогли ему эту границу в срочном порядке пересечь.

5 сентября 1914 г. в экстренном прибавлении к № 240 газеты «День» сообщалось, что Илиодор прислал письмо родителям с подробностями своего побега из России и упомянул, что границу Финляндии ему помогли пересечь «друзья-писатели».

16 марта 1915 г. Илиодор написал письмо, проживающему за границей и известному своими скандально-критическими по отношению к российской власти публикациями журналисту-масону Александру Амфитеатрову.

Приведу здесь несколько строк: *«Убегая за границу, я в Петрограде и Финляндии виделся с А.С. Пругавиным и А.М. Горьким. Эти господа своим авторитетным словом утвердили мое намерение разоблачить печатно подоплеку жизни династии Романовых; последний из них обещал оказать этому делу всяческое содействие...».*

К Амфитеатрову по поводу Илиодора ранее также обращался писатель Максим Горький. Он сообщал ему в письме: *«Думаю, что в близком будущем к вам, может быть,*

явится некий россиянин, довольно интересный парень, обладающий еще более интересными документами».

Беглец Илиодор в своем письме к революционеру-эмигранту Алексею Теплому писал: *«Получивши обвинительный акт по 73, 74, 103 и 102 ст., я 2 июля убежал из России через Финляндию. Переправили меня через границу Горький и Пругавин. Просили и приказывали мне, как можно скорее писать книгу о Распутине и царице (...) Сейчас книга почти готова: остановка только за документами, находящимися в Финляндии у моей супруги. Книга называется «Святой черт».*

Имя «буревестника революции» писателя Максима Горького хорошо известно читающей публике. Менее или вообще неизвестен второй упомянутый в письмах Илиодора другой его покровитель - Александр Пругавин.

Этот человек, также активно участвовал в создании «мифа о Распутине» и называл себя «сектоведом». Он отметил на литературном поприще, написав «эротический» пасквиль под названием **«Старец Григорий Распутин и его поклонницы»**.

Писатель Эдвард Радзинский в своей книге **«Распутин»** пишет: *«5 августа 1917 года в Чрезвычайной комиссии допросили знаменитого исследователя сект Александра Степановича Пругавина. 66-летний ученый показал: «Всю жизнь изучая религиозные, в особенности мистические движения в русском народе, я естественно... интересовался и личностью Распутина».*

Но кто же такой на самом деле этот Пругавин?

Уже знакомый нам В.Д. Бонч-Бруевич в своей очерке **«Деятели революционного движения в России»** писал, что Пругавин *«в 1869 г. был в сношениях с участниками нечаевской «Народной Расправы» и «привлекался к дознанию по нечаевскому делу по подозрению в знании о тайном сообществе»*, но за недостатком улик остался только свидетелем по процессу нечаевцев.

Этот факт свидетельствует о том, что Пругавин в юности был одним из тех нарождающихся террористов, кого Ф.М. Достоевский изобразил в своем романе под метким названием **«Бесы»**.

Следует также здесь рассказать еще об одной участнице формирования «мифа о Распутине» - дальней родственнице Пругавина и его протеже - писательнице Вере Жуковской.

Около двадцати пяти лет назад, уже после канонизации Царской Семьи к прочтению стал доступен доклад Председателя Синодальной комиссии по канонизации святых митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия (Пояркова), озаглавленный, как **«Царская семья и Г.Е. Распутин»** с Приложениями.

В Приложении N5 к этому докладу сообщалось: *«...в опубликованных недавно воспоминаниях о Распутине В.А. Жуковской вновь ставится вопрос о принадлежности Распутина к крайней форме хлыстовства. В этих воспоминаниях приводятся свидетельства (распутинской фразеологии и его эротических радениях) о принадлежности «старца Григория» к хлыстовской секте».*

Кто же такая Вера Жуковская?

Она сама позиционировала себя, как писательница.

Помимо других произведений, Жуковская оставила после себя воспоминания о своих встречах с Григорием Распутиным, в которых представила его сладострастным развратником.

Но давайте посмотрим на некоторые не афишируемые подробности из жизни Веры Жуковской, которые можно найти в других литературных источниках.

Эдвард Радзинский, ссылаясь на показания Пругавина, пишет: *«...Жуковская - дитя времени «накануне Апокалипсиса», как и князь Юсупов, как и многие тогдашние молодые люди. В Париже, в своих исканиях религиозных откровений она доходила до сатанизма и участия в черных мессах...Мужик волновал ее. Жутковатая слава Распутина давно не давала ей покоя...»*.

Сама Жуковская писала, что «посещала тайные собрания хлыстов», участвовала в радениях. А значит и в свальном грехе?

От себя она не скрывала собственных интересов и методов.

«Я придерживаюсь...особых воззрений. Я думаю, что добродетельная жизнь скорее может убить дух, чем порочная», - говорила она.

Современный исследователь сектантства А. Эткинд в своей книге *«Хлыст. (Секты, литература и революция)»*, написал, что *«в одних случаях Жуковская выступала, как агент своего родственника, сектоведа А. Пругавина, а в других действовала по собственной инициативе, движимая женскими писательским любопытством»*.

На собрании сектантов, которое устроил Пругавин, Жуковская познакомилась с Петром Обуховым, кормчим петербургского корабля «Старого Израиля»; его община находилась на краю Новой деревни...Жуковская спросила его о свальном грехе, который, как она знала и писала, иногда сопутствовал хлыстовским радениям. Обухов подтверждал опасность, но учил не бояться: «Грех ищет только того, кто помнит его и боится его (...) Если ты идешь (...) и страшишься греха, он идет следом за тобой...».

Э. Радзинский приводит слова, которые Жуковская в своих воспоминаниях вкладывает в уста Г.Е. Распутина: *«Грех на то и дан, чтоб раскаяться... Грех понимать надо... А без греха жизни нет, потому покаяния нет...»*.

Кому же и в каком порядке принадлежат эти интонационно похожие фразы - Распутину или Обухову, или другим сектантам, с которыми имела многократное близкое общение Жуковская? И не перепутались ли слова и фразы настоящих сектантов в разрушенной «черными мессами» психике этой женщины? А может она их «перепутала» с умыслом?

Здесь напрашивается вывод о том, что «писательница» Вера Жуковская, сама участвовавшая в «черных мессах», в хлыстовских радениях и в «свальном грехе», действительно выступала в деле Распутина, как «агент» Пругавина и тех, кто стоял за ним. По сути, эта женщина, сама находившаяся в то время в плену порока и греха, свидетельствовала против Распутина в том, в чем она сама была в полной мере повинна.

Мемуары Жуковской впервые были изданы в 1992 году и сразу стали своего рода сенсацией, а также очередным оправданием всех действий врагов Григория Распутина и Царской Семьи. И даже для Церковной комиссии по канонизации ее «свидетельства» о Распутине были восприняты, как неопровержимые факты.

Но давайте начнем внимательно читать ее книгу.

В самом начале - в главе «1914 год. Мое первое свидание с Распутиным», Жуковская пишет: *«О Распутине я услышала в первый раз в Киеве. Я тогда только что кончила гимназию и, заинтересовавшись благодаря случайному знакомству одной из отраслей сектантства, посещала тайком собрания «божиих людей», как они себя называли (много позже я узнала, что их же зовут хлыстами в сектантской литературе)».*

Итак, Жуковская утверждает, что в 1914 году она «только что кончила гимназию» и еще до встречи и знакомства с Григорием Распутиным стала тайком посещать собрания «хлыстов». Получается, что она уже сама была членом этой секты, но зачем-то обвиняла Распутина в принадлежности к «хлыстам».

И еще из этого первого абзаца ее мемуаров приведу один факт, на который здравомыслящий читатель должен также обратить внимание. Жуковская пишет, что в 1914 году она окончила гимназию. Девочек в гимназию в те времена принимали в возрасте 9-12 лет. Курс гимназии длился семь лет. Следовательно, Вере на время окончания гимназии должно было быть не более 17-19 лет. Но если мы посмотрим ее биографию, то увидим, что она родилась 1885 году.

Таким образом, в 1914 году ей было уже 29 лет, и она вовсе не была никакой гимназисткой, а вполне опытной и взрослой «женщиной с прошлым».

Из вышесказанного можно сделать вывод - либо именем Веры Жуковской кто-то воспользовался и составил эти мемуары помимо неё, но под ее именем, либо она сама в состоянии «духовного помрачения», а вернее сказать безумия написала эти не имеющие никакого отношения к реальности воспоминания.

В качестве примера подобных лживых измышлений можно привести, изданный в 1920-е годы в СССР подложный «Дневник Вырубовой».

На таких «произведениях» надо ставить клеймо «перед прочтением сжечь», но почему-то эту лживую писанину на вполне серьезном уровне рассматривают члены Комиссии по канонизации, а также некоторые исследователи-историки и на ее основании строят свои кривые выводы.

И раз уж зашел разговор об «агентах», то следует заметить, что все эти, фигурирующие в мемуарах «агенты», которых авторы записали в «друзья», «секретари», «свидетели» или «помощники» Г.Е. Распутина, сильно напоминают «скользких» и нечистоплотных людей, специально подосланных к нему определенными лицами или организациями, с тем, чтобы окружить его плотным кольцом своего нечестия.

Посмотрим на некоторых лиц из этих «агентов».

Например, такая фигура, как Иван Манасевич-Мануйлов, который был агентом жандармского отделения. Современники характеризуют его, как растратчика, афериста, казнокрада и любителя «сладкой жизни», одержимого страстью к наживе. Даже антимонархически настроенный журналист Александр Амфитеатров еще в 1910 году писал о Манасевиче, как о «полном банкроте» и о том, что «полиция выжала этот лимон в свою пользу досуха и больше в нем не нуждалась».

Генерал М.Д. Бонч-Бруевич в своих мемуарах сообщал, что обстоятельства заставили его ближайшего помощника генерала контрразведки Николая Батюшина *«...скрепя сердце, привлечь для работы в контрразведке пресловутого Манасевича-Мануйлова, журналиста*

по профессии и авантюриста по призванию. Задачей нового агента контрразведки было наблюдение за Распутиным, в доверие к которому он ухитрился войти».

Получается, что для дискредитации Григория Распутина и Царской семьи этот человек был вновь востребован и он вполне справился с поставленной ему задачей.

Еще один т.н. «свидетель» по имени Арон Симанович, оставивший свои воспоминания под громким названием **«Распутин и еврей»** выступал, как «личный секретарь» Григория Распутина. Никаким «личным секретарем Распутина» Симанович никогда не был. Он, как считали современники, был «человеком со средствами», большим любителем азартных игр, а также занимался ростовщичеством. Есть свидетельства, что Григорий Распутин исцелил его сына от демонической одержимости.

По справке от Охранного отделения Симанович был лицом *«весьма вредным, большим пронырой, обладающим вкрадчивыми манерами, способным пойти на любую аферу и спекуляцию».*

Свои воспоминания он начинает предисловием, в котором пишет: *«Царь и царица исповедовались ему (Распутину – Прим. редактора), как своему духовнику. Я вполне уверен, что его рассказы соответствовали правде, только по этой причине я осмелился говорить о фактах из интимной жизни царской семьи, которые до сих пор оставались неизвестными».*

Для православного человека такое «признание» иначе, как бредом сумасшедшего назвать нельзя.

Еще один «свидетель», якобы близкий к Григорию Распутину, князь Михаил Андронников слыл в обществе с характеристикой «главный подонок Санкт-Петербурга». Близким к Распутину он не был, но его таковым сделала великосветская молва. Он, не стеснялся сочинять и рассказывать байки о своем родстве с князем Шервашидзе, который являлся морганатическим мужем матери Государя, вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Также этот проныра распространял скабрзные газетные и салонные сплетни о Царской Семье и Распутине. При этом - все вокруг знали, что сам Андронников являлся гомосексуалистом и согласно свидетельству из архивного доклада прокурора В. Руднева, основанного на показаниях прислуги князя, он в своей увешенной иконами спальне принимал молодых людей, которые вступали с ним в связь в надежде получить протекцию.

Такие вот «свидетели» выступали против Царской Семьи и Григория Распутина, обвиняя их в разврате.

К подобного рода «агентам» можно отнести и некоторых т.н. «поклонниц» Григория Распутина, которым их нанимателями также ставились определенные задачи по его оболганию. А, следовательно и очернению Царской Семьи. И на примерах «писательницы Веры Жуковской или еще одной подобной ей «свидетельницы» Елены Джанумовой, которая оставила после себя «Дневник» о встречах с Распутиным, это очень наглядно видно. Современные исследователи пишут, что откровенность «воспоминаний» Джанумовой особого доверия не внушает, а ее: *«"Дневник" имеет резко выраженные черты сочиненности и литературности... Пошлость - главный герой "Дневника" Джанумовой».*

Из этого же ряда «свидетельниц» следует воспринимать показания дочери Манасевича-Мануйлова – Веры Барковой, которую следователь по делу убийства Царской Семьи Николай Соловьев допрашивал в Париже в 1920 году. Она рассказывала ему, что была вхожа в

квартиру Распутина и часто «видела его пьяным», что он был окружен «группой его поклонниц с которыми он находился в связи» и прочие, не отличавшиеся ничем от других сплетни о якобы непристойном поведении Царского Друга.

Но сама Вера была девушкой отнюдь не ангельского поведения. Ее мать сбежала с ее учителем. Отец, взял в дом другую женщину. Вера в 14 или 15 лет сама сбежала из дома «после большого оскорбления» нанесенного ей мачехой. Сначала она «попала в революционный кружок» и сожительствовала с эсером Николаем Барковым. Потом повенчалась с ним, но брак оказался коротким и неудачным. В 1911 году в возрасте 16 лет Вера ушла от мужа и по ее словам «принуждена была сама бороться за жизнь».

Таким образом, все т. н. «свидетели обвинения» в преступлениях, якобы совершенных Григорием Распутиным сами вели совсем нецеломудренную жизнь и совершали не менее тяжкие безнравственные поступки, чем те, в которых они обвиняли Друга Царской Семьи.

Исследователь темы о Григории Распутине писатель Юрий Рассулин в книге **«Месть врага рода человеческого»** пишет: *«Последовал поистине страшный, подавляющий накат на Григория Ефимовича. Бывшие друзья из духовных лиц, академики и богословы, окружение Царской Семьи, различные политические силы: и министр внутренних дел, и партии, оппозиционные правительству, пресса, родственники Государя - все сплелось в яростном порыве сокрушить выскочку-мужика, простачка и невежду. От такого шквала спрятаться бы подальше, зарыться в землю, затихнуть, не высовываться. Но Григорий Ефимович держался. Он был рядом с Царями, не убегал и не прятался, мужественно все терпел. Поручкой ему была дружба Царской Семьи. Верность и мужество старца Григория Распутина-Нового слились с верностью и мужеством Царя и Царицы. Они его не предали, не оттолкнули, не отшвырнули, как наскучившую вещь (как поступили Вел. князь Николай Николаевич и его окружение), ни на минуту не усомнились в нем, не приняли ни одного грязного посыла в его адрес, претерпели вместе с ним и выстояли. Вместе они были несокрушимы».*

Но продолжим наше расследование.

В своей записи Гучков упоминает о разгроме службы политического сыска. Следует пояснить, что сеть Охранных отделений или «Охранка» имело полное наименование - «Отделение по охранению общественной безопасности и порядка». Так назывались органы политического сыска, следившие за неблагонадежными политическими деятелями. Эти Отделения находились в составе Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи.

Джунковский, будучи на посту Министра внутренних дел упразднил всю сеть «Охранных отделений» на территории Российской Империи и запретил иметь агентуру среди представителей Государственной Думы, армии и студенчества. При этом сами революционеры могли вполне безбоязненно вести революционную агитацию среди студенчества и в войсках.

К 1917 году осталось только три губернских Охранных отделения: Петроградское, Московское и Варшавское и три районных: Туркестанское, Кавказское и Восточно-Сибирское.

В недавно вышедшей книге **«От глубинной охранки к глубинному КГБ»** современный историк спецслужб Федор Раззаков делает вывод: *«Таким образом, российские спецслужбы оказались лишены возможности добывать информацию в среде политиков, военных и студентов».*

У революционеров были, что называется «развязаны руки», а органы, обязанные обеспечивать безопасность государства, оказались намеренно поражены слепотой в отношении деятельности революционных партий, готовивших захват власти в стране.

В марте 1915 под непосредственным руководством генерала М.Д. Бонч-Бруевича года был арестован, как немецкий шпион, а затем спешно казнен, полковник русской контрразведки С.Н. Мясоедов.

Казнь в ночь сразу после суда над полковником свершилась, хотя измена Мясоедова доказана не была.

Историк Г.М. Катков в монографии «Февральская революция» утверждает, что генерал М.Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях «бессовестно лжет» о том, что Мясоедов был «пойман с поличным».

Имея на сегодня все доказательства о полной невинности полковника С.Н. Мясоедова и зная лживую и мстительную натуру А.И. Гучкова, а также - то обстоятельство, что агентов к Мясоедову приставил давний приятель Гучкова, Ренненкампф трудно поверить в случайность, породившую в этом деле совпадение интересов столь, казалось бы, разных лиц.

Гучков устранял давнего врага и получал укрепление общественного мнения в свою пользу, как «провидец» и, как давний борец со шпионажем. Великий князь Николай Николаевич «списывал» все свои просчеты и поражения на фронте и устранял ненавистного ему военного министра Сухомлинова, который являлся покровителем полковника С.Н. Мясоедова.

Действия заговорщиков привели к тому, что было открыто расследование по деятельности Сухомлинова на посту министра. При расследовании выявилась история о том, что некий внештатный сотрудник Московской полиции Николай Соловьев, которого посчитали фальшивомонетчиком и «нечистым на руку дельцом» имел деловые связи с женой Сухомлинова. Будучи облечен доверием, он получил через ее мужа-министра протекцию на место в органах контрразведки.

Насколько правдива была эта история – мало кого интересовало. Следствие сделало выводы и этого было достаточно.

12 июня 1915 года Военный министр Сухомлинов был уволен с должности, а осенью началось следствие с предъявлением ему обвинений в государственной измене.

Таким образом, сподвижник Гучкова генерал М.Д. Бонч-Бруевич, как контрразведчик подтверждал свою компетентность в области шпиономании и получал продвижение по службе за борьбу со шпионажем. Причем сам генерал не скрывал, что *«успешное ведение мясоедовского дела обеспечило ему назначение начальником всей контрразведывательной службы армии»*.

Все известные на сегодня сведения показывают, что полковник Мясоедов был невиновен. Это подтверждают, как русские источники – генерал Сухомлинов, генерал Спиридович, граф Коковцев, так и германские, опубликованные значительно позже.

Начальник немецкой разведки Вальтер Николаи писал: *«Приговор... является судебной ошибкой. Мясоедов никогда не оказывал услуг Германии»*.

Лейтенант Баурмейстер подтверждает: *«Я никогда в жизни не обменялся ни единым словом с полковником Мясоедовым и никогда не сносился с ним через третьих лиц»*.

Современный омский историк Н.В. Греков в книге **«Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы»** приводит свидетельство руководителя австрийской разведки Макса Ронге: *«Русское шпионоискательство принимало своеобразные формы. Лица, которые ими были арестованы и осуждены, как, например, жандармский полковник Мясоедов, Альтишлдер, Розенберг, председатель ревельской военной судостроительной верфи статс-секретарь Шпан, военный министр Сухомлинов и др., не имели связи ни с нашей, ни с германской разведывательной службой. Чем хуже было положение русских на фронте, тем чаще и громче раздавался в армии крик: «предательство!»*

Ронге объяснял осведомленность германской разведки, за которую казнили невинного С.Н. Мясоедова: *«Нашу осведомленность русские объясняли предательством высших офицеров, близко стоящих к Царю и высшему армейскому командованию. Они не догадывались, что мы читали их шифры. В общей сложности нам пришлось раскрыть 16 русских шифров. Когда русские догадались, что их радиogramмы их предают, они подумали, что мы купили шифры».*

С одной стороны понятно, что *«ставка, подстрекаемая контрразведкой, ухватилась за Мясоедова, как за козла отпущения – чтобы объяснить поражения на фронте».*

Начальник царской охраны, генерал-майор Отдельного корпуса жандармов Александр Спиридович полагал, что по значению в последующем падении монархии, дело полковника С.Н. Мясоедова можно сравнить только с убийством Г.Е. Распутина.

В мае-июне 1915 года по инициативе Александра Гучкова началась масштабная компания по организации Военно-промышленных комитетов (ВПК) на всей территории Российской Империи.

Одновременно на базе земств и городских дум был создан «Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов».

Официально - эти «комитеты» должны были способствовать объединению частных промышленных предприятий для координации оборонных заказов и помощи в снабжении армии, но на самом деле Гучков со своими единомышленниками использовали сеть ВПК и «Земгора» для прикрытия структурной организации оппозиционной политической деятельности с целью захвата власти в стране.

Начальник Петроградского Охранного отделения генерал-майор Константин Глобачёв прямо указывал, что созданные Гучковым ВПК обладали *«легальной возможностью вести разрушительную работу для расшатывания государственных устоев и обрабатывать через своих агентов общество и армию в нужном политическом направлении».*

Председателем Центрального ВПК был избран сам Гучков, а его заместителями стали крупные промышленники А.И. Коновалов и М.И. Терещенко.

Как Председатель ВПК Гучков вошёл в состав, созданного Государем, Особого совещания, которое занималось распределением оборонных заказов по различным промышленным предприятиям, осуществляло государственный контроль за их выполнением и организацией снабжения армии.

Поскольку представители ВПК были членами крупных промышленных кругов, владельцами банковских структур и предприятий, без которых невозможно было организовать должное снабжение армии, Государь Николай II вынужден был согласиться на участие представителей политической оппозиции в работе Особого совещания.

Лето 1915 года стало весьма тяжелым для русской армии. Великий князь Николай Николаевич показал себя, как совершенно не способный главнокомандующий и официально это послужило для Государя предлогом того, что он решил возглавить армию и взять на себя ответственность за ведение военной компании. На самом деле за его спиной созрел заговор

и более значимо в этом решении Государя было то, что возглавив армию, он предотвратил государственный переворот.

22 августа Императрица писала в письме к Государю:

«Встреча с Н. (Великий князь Николай Николаевич – Прим. автора) не будет приятной — ты ему верил, а теперь убеждаешься в правоте того, что наш Друг говорил столько месяцев тому назад, что он неправильно поступает по отношению к тебе, твоей стране и твоей жене. Не из среды народа выходят люди, могущие повредить твоим близким, а Н. с кликой, Гучков, Родзянко, Самарин и т.д.»

Бывший в то время Начальником дворцовой охраны генерал Спиридович свидетельствовал: *«Кто знал истинный смысл свершившегося, крестились. Был предупрежден государственный переворот, предотвращена государственная катастрофа».*

Но круг Царских родственников и высокопоставленных представителей государственной власти пытались всеми силами противостоять этому решению Государя.

Что уж говорить о других, если сама матушка Царя, сокрушалась и предпринимала (конечно, не без участия своего окружения) отчаянные попытки не допустить воплощения решения ее сына – возглавить армию, в реальное действие.

В своем дневнике от 8(21) августа она записала:

«Поуль Бенкендорф посетил меня после некоторого перерыва. Мы оба были в отчаянии из-за ужасных новостей с фронта, а также из-за других событий, о которых теперь много говорят. Прежде всего, злой дух Григория (Распутина – Прим. автора) возвратился и, Алики (Императрица - Прим. автора) желала, чтобы Ники (Император – Прим. автора) принял участие в командовании вместе с Николаем. Она психически ненормальная, если она действительно думает об этом!».

Через четыре дня - 12(25) августа матушка Государя сделала в дневнике еще более откровенную запись:

«Юсупов пришел после обеда, рассказывал ужасные вещи, о которых говорят в городе. Ники пришел со своими 4 девочками. Он начал сам говорить, что возьмет на себя командование вместо Николая, я так ужаснулась, что у меня чуть не случился удар, и сказала ему все, что это было бы большой ошибкой, умоляла его не делать этого, особенно сейчас, когда все плохо для нас и добавила, что если он сделает это, все увидят, что это приказ Распутина». Я думаю, что это произвело на него впечатление, так как он сильно покраснел. Он совсем не понимает, какую опасность и несчастье это может привести нам и всей стране».

Все заговорщики постоянно и в один голос утверждали, что Государь ведет страну к катастрофе. При этом они сами предпринимали самые активные действия для того, чтобы эту ката-

строфу совершить. К сожалению, матушка Государя оказалась на их стороне и выступала в поддержку их мнений и тех действий, которые они предпринимали против Царской Семьи и для разрушения государства.

Государь делал отчаянные попытки спасти Империю и народ, но большинство т.н. «российской элиты» мыслило революционными категориями и вместо служения Царю и Отечеству выбрало служение разрушающим силам зла.

В довершении приведу здесь текст письма, которое Гучков послал 17 августа 1915 года отправленному в отставку генералу Джунковскому: *«Дорогой Владимир Фёдорович, всей душой с Вами, знаю, что Вы переживаете. Но не скорбите, а радуйтесь Вашему освобождению из плена. Вы видите — „они“ обречённые, Их никто спасти не может».*

«Их» это - про Царскую семью. Так мог написать только их непримиримый враг. А Джунковский - был «дорогим другом» для этого врага Царской семьи.

В начале сентября Синодом был объявлен трехдневный пост с чтением особых молитв за принявшего на себя командование армией Государя.

10 сентября Императрица написала к супругу: *«Когда в эти 3 постных дня читались молитвы за тебя, то перед Казанским собором от Синода было роздано 1000 портретов Н. — что это значит? — Они замыслили совершенно иную игру. Наш Друг вовремя раскрыл их карты, и спас тебя тем, что убедил прогнать Н. и принять на себя командование. Со всех сторон доходит все больше и больше про их грязную, изменническую игру».*

В письме от 9 декабря 1916 года Государыня, обращаясь к мужу еще раз возвращается к событиям августа 1915 года: *«Наш Друг говорит, «что пришла смута, которая должна была быть в России во время или после войны, и если наш (ты) не взял бы места Ник(олая) Ник(олаевича), то летел бы с престола теперь».*

Так Господь через Григория Распутина отвел от Царской Семьи и всей Российской Империи катастрофу в 1915 году. Но пророчество Распутина о русской «смуте» осталось зафиксированным в этом письме и сбылось через полтора года.

Из тетради Александра Ивановича Г. Запись шестая

Мы усиленно продолжали работать над насаждением всеобщего мнения о пагубном влиянии Григория Распутина на Царскую Семью.

Когда Джунковского отправили в отставку, он успел снять копии всех документов и свидетельств из дела против Распутина. Все эти документы в копиях распространялись далее в великосветских кругах и вызывали всеобщее возмущение.

Нам надо было спешить. Государь был вполне осведомлен о заговоре и готовящемся перевороте.

Мне от моих военных осведомителей из контрразведки стало известно, что 31 декабря 1915 года Государю лично была передана секретная телеграмма одного из агентов русской разведки в Париже о заговоре в высших военных кругах с целью устранения Царя и о том, что место монарха должен был занять его младший брат Михаил Романов.

Но руководители контрразведки сумели убедить Государя в том, что они полностью контролируют ситуацию и что им только нужно время, чтобы выявить все нити, ведущие к участникам заговора.

Государь был не большой любитель громких скандалов и жестких действий, без достаточных на то оснований.

Он поверил контрразведчикам и это не было его ошибкой.

Военное окружение Царя в своем большинстве вполне разделяло наши взгляды на Распутина и Императрицу.

Почти все высшие офицеры были уже нашими единомышленниками и к кому бы Государь не обратился для перепроверки сведений, все отвечали одинаково.

В июне 1916 года по настоянию Начальника Генерального штаба армии генерала Алексева была создана специальная комиссия по борьбе со шпионажем и спекуляцией под руководством генерала контрразведки Николая Батюшина. Это был ближайший помощник генерала М.Д. Бонч-Бруевича. Комиссия имела неограниченные права и полномочия. Генерал Алексеев сумел убедить Государя в необходимости ее создания и получил его согласие.

Официально комиссия занималась борьбой со шпионажем и спекуляцией. Но тайная ее деятельность заключалась в формировании отрицательного общественного мнения о Распутине и Царской Семье.

Мы получили возможность полностью контролировать всю (в том числе и секретную) переписку Царской Четы.

Мы читали все сообщения, которые передавались для них и все сообщения, которые исходили от Государя и Государыни. Мы читали их личную переписку между собой, читали их телеграммы к Распутину и телеграммы от него к ним. Венценосцы, естественно об этом ничего не знали.

Офицерам разведки и контрразведки в то время верили почти все и без всяких сомнений.

Именно при их активном участии нам удалось убедить многих высших армейских генералов и офицеров в том, что Распутин выступает за заключение сепаратного мира с Германией и активно склоняет к этому Императрицу, якобы имея на нее неограниченное влияние, а через нее на «безвольного» Государя.

У нас не было никаких доказательств, что он занимается шпионажем в пользу германской разведки, но при помощи наших военных агентов мы активно распускали слухи о том, что Распутин «работает» на немецкий Генеральный штаб и нам верили.

Эти слухи потом использовал в своем знаменитом выступлении 1-го ноября 1916 года в Госдуме наш единомышленник депутат от кадетской партии Павел Миллюков.

В течение 1916 года наши агенты продолжали поддерживать и распространять слухи о различных новых скандалах, связанных с именем Григория Распутина.

Мы понимали, что чем громче будет эффект от скандальных происшествий с его участием, тем пагубнее он отразится на отношении общества к Царской Семье. Поэтому во всю распускались слухи, что Распутин открыто живет с Императрицей, а сам Царь смотрит на это «сквозь пальцы». Художники рисовали пикантные карика-

туры на которых Распутин изображался с полубнаженной Царицей. Эти шаржи показывались друг другу и передавались из рук в руки в различных слоях общества.

Широкую огласку продолжали получать копии фальшивых т.н. «дневников наружного наблюдения» за Распутиным, которые были изготовлены жандармами по поручению Джунковского.

В этих «дневниках» конкретно по датам и времени сообщалось, где и как Распутин пьянствовал, скандалил, встречался с проститутками и т.п.

Мы за большие деньги нанимали и использовали т.н. «двойников» - артистов или людей похожих на Распутина и соответственно гримировавшихся, которые публично участвовали в пьяных и эротических скандалах, разыгрывая спектакли на глазах у возмущающейся публики.

По нашим заказам специалисты-фотохудожники ретушировали фотографии Распутина, придавая его чертам демонический вид, а иногда использовали для фотосъемки его «двойников».

Депутат Госдумы Пуришкевич распечатал несколько тысяч копий одной подобным образом отретушированной фотографии, на которой Григорий Распутин был запечатлен за обычным чаепитием в обществе двух или трех десятков людей и с подписью «Григорий Распутин со своими поклонницами», отправил их в действующую армию.

Также нам удалось активно продолжать распространение слухов о других якобы скандальных похождениях Распутина. Например – об учиненной еще в марте 1915 года Распутиным оргии в московском ресторане «Яр», а также о его непотребном поведении в петербургском ресторане «Вилла Родэ» и на пароходе «Товар-пар» в августе 1915 года, следовавшем из Тюмени на родину Распутина в село Покровское.

На самом деле никаких скандальных действий Распутин не совершал.

Но все эти сплетни активно циркулировали в среде ближайших царских родственников из великосветском обществе, среди банкиров и промышленников, среди военных и творческой интеллигенции, среди священноначалия и прочего духовенства, среди рабочих и служащих и прочих сословий.

Ненависть к Царской Семье возрастала. Имя Распутина приобрело какой-то мистическо-дьявольский оттенок.

Отмечу еще, что также скандальные известия о Распутине и о его т.н. «влиянии» на Царскую Чету в течение нескольких лет передавались напрямую от шефа жандармов Джунковского к Великой княгине Елисавете Федоровне и к Великому князю Николаю Николаевичу, а также к князю Георгию Шервашидзе, который был тайным супругом матери Государя - бывшей императрицы Марии Федоровны.

Джунковский и Шервашидзе были в давних дружеских отношениях. От них эти слухи распространялись по другим Царским родственникам и их многочисленному окружению.

В обществе стали открыто говорить о необходимости убийства Григория Распутина, для того чтобы устранить его влияние на Царскую Семью.

Великая княгиня Елизавета Федоровна специально ездила к какому-то прозорливому старцу, чтобы спросить его о возможности убийства Распутина. И старец ей

ответил, что «убить такого – сорок грехов простится». Эти слова также передавались из уст в уста в светских салонах и встречали полное одобрение.

1 ноября 1916 года в Государственной Думе депутат Павел Милюков выступил с речью, в которой прямо и во всеуслышание обвинил Царицу в том, что она является немецкой шпионкой.

В ночь с 16 на 17 декабря молодому князю Феликсу Юсупову удалось заманить Распутина к себе во дворец и вместе с группой сообщников, в состав которых входили Великий князь Дмитрий Павлович, депутат Пуришкевич и еще несколько человек, убить его. Они планировали отравить Распутина. Мне было известно, что яд Феликсу Юсупову передал депутат Госдумы Василий Маклаков. Но отравить не получилось, поэтому Распутина просто застрелили.

Только узкому кругу посвященных в это дело лиц было известно, что все действия этой координировал давний близкий друг Феликса Юсупова и офицер английской разведки Освальд Райнер. Он и нанес смертельный третий выстрел в лоб лежащего, раненого ранее двумя пулями Распутина, добив его. После этого тело Распутина погрузили в автомобиль и скинули с моста в речную полынью.

Убийство Распутина вызвало громкое ликование среди Царских родственников и во всех великосветских салонах. Все радовались и поздравляли друг друга. Поскольку об участии Освальда Райнера в этом событии никто не ведал, настоящими героями этого патриотического акта стали князь Феликс Юсупов и Великий князь Дмитрий Павлович.

Глава шестая. Полная готовность

8 октября 1915 года Государыня писала Императору: «Джунковский, после того, как его уволили, снял копии со всех бумаг против нашего Друга, хранящихся в Министерстве внутренних дел (он не имел никакого права это делать) и показывал их направо и налево среди московского дворянства... Я называю это бесчестным, в высшей степени нелояльным поступком, и такой человек не заслуживает ни наград, ни высоких назначений. Он будет бессовестно продолжать вредить нашему Другу и клеветать на Него в полках».

Собирая по крупицам сведения, которые ранее не публиковались для массового прочтения, мне удалось выявить ряд фактов, подтверждающих сведения, полученные из «Рукописи», но с несколько расширенной интерпретацией.

Комиссия генерала Н.С. Батюшина официально называлась **«Комиссией для борьбы со шпионажем и спекуляцией»** и была создана с согласия Государя именно для этих целей в июне 1916 года.

Полномочия и права членов этой «Комиссии» были, по сути, неограниченными. Они имели право контролировать и читать частную переписку, прослушивать телефонные разговоры, имели право обыска и изъятия документов, обладали правом арестов любых лиц, попавших под подозрения, без всяких дополнительных санкций.

Но под прикрытием деятельности «Комиссии» заговорщики ставили военным контрразведчикам задачу по добыче сведений, которые могли быть использованы против Государя и

Императрицы, а также по нейтрализации или даже ликвидации Григория Распутина, ибо его присутствие возле Царской Семьи сильно мешало осуществлению их планов.

Схемы, которые контрразведка использовала для шпионажа за Распутиным (и конечно за Царской семьей) были сложными и секретными. Достаточно сказать, что даже имевший наиболее полный доступ к информации после февраля 1917 года А.Ф. Керенский в своих показаниях сделанных следователю Н. Соколову в 1920 году в Париже убежденно говорил, что он не сомневался в том, что И.Ф. Манасевич-Мануилов был немецким агентом.

Современные историки военной разведки И.И. Васильев и А.А. Зданович в совместной книге **«Генерал Н.С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки»** указывают, что И.Ф. Манасевич-Мануилов, будучи секретарем председателя Совета министров Б.В. Штюрмера одновременно являлся *«ведущим агентом комиссии генерала-контрразведчика Батюшина»*, *который в свою очередь был креатурой генералов Алексеева и Рузского»*.

По указанию генерала М.Д. Бонч-Бруевича и по согласованию полученному от генералов Алексеева или Рузского, группа генерала Батюшина в рамках своей контрразведывательной деятельности занималась «разработкой» Григория Распутина с целью доказать его в связь с германской разведкой и раздуть миф о его шпионаже в пользу Германии. А далее «эти сведения» о его безграничном влиянии на Императрицу, а через нее и на Государя с тем, чтобы заключить сепаратный мир с Германией, передавались для обсуждения во всех слоях общества. Задача дискредитации Царской Семьи с помощью русской контрразведки была выполнена.

В России это был первый опыт использования сотрудников из органов разведки и контрразведки в интересах политической оппозиции, которая выступала в союзе с врагами нашего Отечества - против действующей власти и лично против Государя, которому эти военные присягали.

Сам генерал Батюшин впоследствии написал в мемуарах, что официальным итогом работы в «Комиссии» стал его доклад Государю о том, что все домыслы касающиеся Распутина есть ни что иное, как *«революционная пропаганда неких сил поставивших целью сокрушить царизм, путем компрометации Царя и его семейства»*.

Официально генерал Батюшин докладывал Государю о полной невиновности Царского Друга, а его агент Манасевич-Мануилов, внедренный контрразведкой в круг Григория Ефимовича и приставленный к Председателю Совета Министров Штюрмеру в тоже самое время распускал грязные сплетни о том, что Распутин является немецким шпионом и утверждал, что именно через него связь с германской стороной имеет и сама Императрица.

31 декабря 1915 года Государь получил шифровку из Парижа об уже подготовленном с целью его свержения заговоре от агента русской разведки, работавшего под псевдонимом «Вебер». Текст телеграммы гласил:

«В армии существует крепкое ядро офицеров, желающее и организующее государственный переворот и способное его провести. Цель: установление действительно конституционной монархии с Великим князем Михаилом во главе. Царствующий Государь должен быть устранен от престола в подходящий момент. В проведении плана уверены. Обеспечено содействие некоторых крупных генералов. Вебер».

В конце предыдущей - шестой записи Гучков упоминает о скандальном выступлении депутата Павла Милюкова в Государственной Думе 1 ноября 1916 года.

На мой взгляд совершенно точную характеристику Милюкову дал философ Иван Ильин.

В одной из своих работ он написал, что этот борец с «темными силами» на самом деле - *«...был атеистом, искренне удивляясь, что можно быть верующим. Для него вся религия сводилась к суеверию. Обладая умом сугубо позитивистским, он придавал большое значение фактам, как в истории, так и в политике. В своих речах он возвращался к разуму. Факты были для него доводами, которые он приводил с такой же точностью, как если бы он доказывал теорему».*

В октябре 1923 года в «Записке о политическом положении» Ильин дал ему следующую характеристику: *«Милюков не герой, а человек толпы. Его воля - упрямство, его ум - хитрящая середина, его идея - расчет, его принцип - компромисс. Он глубоко безрелигиозен и безыдеен; идею он всегда презирал. Его политика всегда состояла в том, чтобы сложить параллелограмм сил в направлении к своей личной власти и оказаться во главе равнодействующей этого «блока». Он не ненавидит Россию, но за ним стоит более умный и ненавидящий Россию крепко - М.А. Винавер».*

Для справки, чтобы понимать, чьи интересы совместно с остальными заговорщиками отстаивал депутат Госдумы Павел Милюков и за чье светлое будущее он боролся, отмечу здесь, что Максим (Маер-Хиль) Винавер - юрист по образованию, был лидером конституционно-демократической партии и видным деятелем еврейского движения в России.

Таковыми людьми формировалось общественное мнение против Григория Распутина и Царской Семьи.

В своем дневнике, который был издан под названием «За кулисами Антанты» английский посланник во Франции лорд Фрэнсис Бэрти записал: *«В Британском посольстве происходило собрание Великих князей и других лиц. Было решено, что поскольку Распутин невозможно убрать от Императрицы, от него нужно отделаться вовсе. Был брошен жребий, кому быть убийцей. Бьюкенен гарантировал, что совершивший это дело ни в какой мере не пострадает».*

Офицер МИ-6 Освальд Райнер был назначен руководством английской разведки для обеспечения выполнения этого задания.

Перед самым убийством Григория Распутина Освальд Райнер встречался с Феликсом Юсуповым в англо-русском госпитале, который был открыт еще в феврале 1916 года по предложению английского министра иностранных дел Эдварда Грэя.

Именно в этом госпитале и под его прикрытием был сосредоточен основной центр заговора против русского Государя.

Команда из английских волонтеров - сотрудников госпиталя принимала самое активное участие в будущем февральском перевороте, раздавая деньги непосредственным участникам революционных демонстраций.

Фрейлина Императрицы баронесса Софья Буксгевден в своих мемуарах написала: *«Супруга посла леди Джоджина Бьюкенен состояла почетной председателем комитета по сбору пожертвований на лазарет Государственной Думы, что давало повод*

депутатам собираться в английском посольстве у сэра Джорджа, чтобы обсуждать планы государственного переворота».

В ночь на 30 (17 декабря ст.ст.) 1916 г. Григорий Распутин был убит группой лиц, участвовавших в заговоре против Царской Семьи. Убийство было совершено в Юсуповском дворце. Перед смертью Распутин был зверски избит.

Участники убийства – князь Феликс Юсупов, Великий князь Дмитрий Павлович, депутат Госдумы Пуришкевич с со своими помощниками и английский разведчик Освальд Райнер.

При убийстве присутствовали две дамы – любовница Великого князя Дмитрия – балерина Вера Каралли и аристократка Марианна фон Пистолькорс.

Действительно, как пишет Гучков, изначально Распутина планировали отравить.

Философ Иван Ильин в одной из своих бесед, приведенных в томе **«Письма. Мемуары (1930-1954)»** его собрания сочинений, записал свидетельство о депутате Госдумы Василии Маклакове: **«Я знал, что циан-калий для Распутина был добыт и передан Феликсу Юсупову именно им».**

Но отравление по каким-то причинам не состоялось. Распутин был убит тремя выстрелами из трех разных револьверов.

На основании сведений приведенных английским историком Эндрю Куком в книге **«Убить Распутина»** исследователь Юрий Рассулин заключает: **«...Эндрю Кук привел доказательства, вполне убедительные и достаточные, чтобы полностью согласиться с его утверждением: в подготовке физической ликвидации Григория Распутина и непосредственно в его убийстве были замешаны английские спецслужбы. Степень участия была настолько высока, что последний, контрольный выстрел в голову зверски избитого, смертельно раненого пистолетными выстрелами, но еще живого старца Григория Ефимовича Распутина-Нового, был сделан офицером британской разведки Освальдом Райнером».**

Распутин был убит и это убийство, как известно, было названо **«первым выстрелом русской революции»**, открывшим для заговорщиков путь к реализации их революционных планов.

Государь был осведомлен об этих планах, а главное - об участии в заговоре своего родного брата Михаила, согласившегося стать «конституционным монархом» после государственного переворота.

Великий князь Михаил Александрович был одной из значимых фигур заговора. Он выразил свое согласие заговорщикам занять Царский трон и стать регентом при юном Царевиче Алексее или если такое случится даже монархом, но при лукавом условии ненасильственного, а добровольного «отречения» своего брата от Престола. При этом подробности о степени «ненасильственности» и «добровольности», как мы увидим впоследствии его вовсе не интересовали.

Участник Белого движения, эмигрантский писатель Роман Гуль в своей книге **«Я унес Россию»** приводит свидетельство графини Людмилы Воронцовой-Дашковой о том, как Великий князь Михаил Александрович отреагировал на убийство Григория Распутина:

«В момент убийства Михаил Александрович находился в Гатчине. Мы с мужем тут же приехали туда...»

Великий князь показался мне крайне взволнованным... Здраваясь со мной, он проговорил:

- Ах, графинюшка, как жаль, что я не убил эту гадину...

Ваше высочество, но разве все зло в нем? — сказала я.

- А в ком же? — проговорил великий князь.

- Вы не знаете? Распутинщина слишком глубоко пустила корни...

- Не будем об этом говорить, графиня, — изменившись в лице, проговорил Михаил Александрович. Через несколько недель вспыхнула революция».

Этот краткий диалог многое говорит о степени презрительного отношения к Григорию Распутину и к Царской Семье, как самого Великого князя, так и графини Воронцовой-Дашковой (урожденной Занглер). Первый был готов к убийству совершенно невинного человека, а вторая косвенно указывала на то, что «всё зло» исходит от Царской Четы.

К вопросу участия Великого князя Михаила Александровича в заговоре против своего брата нам еще придется вернуться.

А пока посмотрим на других участников этого заговора.

Великая княгиня Елисавета Федоровна не была знакома лично с Григорием Распутиным и строила свое мнение, только на основании информации газетных статей и доверенных лиц. В этот круг входили ее близкая подруга Зинаида Юсупова, мать будущего убийцы Григория Ефимовича, много лет состоявший при ней и ее муже в качестве адъютанта Виктор Джунковский, «задушевная подруга» Джунковского София Тютчева и др. особы из высшего общества – особенно московского.

Эдвард Радзинский называет Джунковского - человеком *«близким к Элле (к Великой княгине Елизавете Федоровне - Прим. автора) и к великому князю Николаю Николаевичу».*

Джунковский много лет – с 1891 года состоял адъютантом при убитом в 1905 году террористом Коляевым Великом князе Сергее Александровиче - муже Великой княгини Елизаветы Федоровны и только благодаря ее личной протекции совершил головокружительный социальный скачок из адъютанта в должность московского генерал-губернатора.

Историк Александр Боханов в своей книге пишет о Джунковском: *«Можно с уверенностью говорить о том, что этот генерал Царской свиты, состоял в одной из масонских лож»* и был *«одним из наиболее видных деятелей русских «вольных каменщиков».*

Боханов подробно описывает, как В.Ф. Джунковский, которого Государыня называла «врагом» и «нечестным человеком», руководил изготовлением фальшивых компрометирующих материалов в виде т.н. «полицейских донесений о жизнедеятельности Распутина», тиражировании вымышленных историй о разгуле в московском ресторане «Яр», «пьяном дебоше на пароходе» и прочих фальсификациях. И эти «свои конфиденциальные сведения» шеф корпуса жандармов регулярно поставлял также и ко двору Великого князя Николая Николаевича, который прилюдно заявлял, что испытывает к Джунковскому «давнюю, искреннюю симпатию».

К слову - еще одна «свидетельница» по делу Г.Е. Распутина – София Тютчева, служившая няней у Царских детей и оболгавшая Распутина с Царской Семьей, была по словам Александра Боханова «задушевной подругой» В.Д. Джунковского и «протее» Великой княгини Елисаветы Федоровны.

В книге епископа Варнавы (Беяева) **«Тернистым путем к небу»** приводится история о том, как Великая княгиня Елизавета Федоровна ездила к старцу Гавриилу спрашивать о Распутине: **«Прихожу к Алексею-затворнику, тот в заметном волнении: «Представьте себе, что отец Гавриил Великой Княгине сказал. Она спрашивала его про Распутина. И что же он сказал?! «Убить его, что паука: сорок грехов простится...». И далее передаются слова уже самого Алексия – затворника: «Не могу благословить...».**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.